

АЛЕКСЕЙ БАШИЛОВ

КРУТЫЕ
ИЗЛУЧИНЫ

Алексей Башилов
Крутые излучины (сборник)

Издательский дом «Сказочная дорога»

2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Башилов А. М.

Крутые излучины (сборник) / А. М. Башилов — Издательский дом «Сказочная дорога», 2014

ISBN 978-5-4329-0049-4

В книгу вошли рассказы о родном крае, о загадочной русской душе. Любимый край никогда не будет забытым и затерянным для тех, кто любит его, кто ратует за процветание Отечества, за сохранение исторического центра земной цивилизации. Читая А. М. Башилова, в который раз убеждаешься, что людей сближают искренняя любовь, общая мечта, воля и дело. И какие бы крутые излучины, перемены и повороты в жизни ни подстерегали нас, неистребима наша вера в торжество высшей благодати на Земле.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-4329-0049-4

© Башилов А. М., 2014
© Издательский дом «Сказочная дорога», 2014

Содержание

Родные веды	6
Молитва	6
Мегаполисные качели	8
Светотение в лесу	9
Большая берёза	12
Кладбище старых берёз	14
Березняк безлюдного поля	16
Берёзовые веники дяди Вани	18
Песня о Днепре	20
Реченька моя журчащая	24
Голубиный мост	27
Благотворение	30
Три родины во мне одном	42
Голубые ели	44
Цветы	46
У багетного окна	49
Свидание с музой	50
Апельсины	51
Поговори со мною, мама!	52
Деревенские причуды	53
Из купели в купель	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алексей Башилов

Крутые излучины

© Башилов А. М., 2014

© Сергей Яковлев – Vector-Images.com, изображение «Свеча с книгой», 3 стр.

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2014

* * *

Родные веды

Молитва

«Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Во имя Отца, Сына и Святого Духа», – троекратно перекрестился и повторил я молитву. Смысл этих слов, связанных магической Троицей, успокаивал и настраивал на далёкую перспективу, открывая бездонность другого, неземного, божественного, жития.

Три простых слова, а значимости нет конца. Непостижима и необъятна их высокая благодать. Три ключевых слова произносятся, переставляясь местами: «Во имя Сына, Отца и Святого Духа. Во имя Святого Духа, Отца и Сына». Смысл остаётся загадочным, притягательно глубоким, религиозно наполненным. Смысл же простой земной жизни запечатлён, но запечатан непониманием её связанности с небесной.

«Во имя Отца, Сына и Святого Духа», – опять произношу и поражаюсь вдруг, что в этих словах заключена вся моя земная жизнь. Был я сыном. Сейчас стал отцом. А Святым Духом? Ещё не проникся, не стал одухотворённым седым мудрецом.

Когда мой отец уходил на войну, он перекрестился на величественную красоту и охранительную силу церкви, что в селе Днепровское, и трижды произнёс: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа». Потом отошёл, повернулся и сказал: «Вижу тебя я в последний раз».

Пришёл с войны без единой царапины, подошёл к церкви, а её уже нет – фашист разбомбил. Не увидел он её и позже – из остатков церкви сделали продуктовый склад.

«Во имя Отца, Сына и Святого Духа».

В деревне Спас фашист тоже бомбил и разрушил храм. Одна минута – и взрывом бомбы разрушена красота.

Прошло много лет, а скорби и печали от невозстановленной церкви приумножилось.

«Во имя Отца, Сына и Святого Духа», – троекратно произношу три магических слова. Отец не погиб на войне, я его сын, теперь по возрасту я – отец. А Святой Дух? Наверное, где-то рядом. Он неразрушен, несокрушён. Внутренним чувством осязается и созерцается его присутствие.

На зарастающий деревьями и травой погост ежегодно приходят жители оставшихся деревень и их городские родственники. Это единственная возможность для сбережения духовной связи между теми, кто был и кто есть. Ручейки жизни к усопшим и ранее здесь жившим людям.

«Во имя Отца, Сына и Святого Духа». А вот, кажется, и Святой Дух пролетел. Память. Сочувствие. Имел я в детстве счастье – ходить по берегам реки Днепр с выкошенными лугами, украшенными копнами сена, как куполами. Теперь берега заросли высокой, запутанной ветром травой.

Был у меня отец, да теперь нет. Его жизнь на земле закончена. Был седовласым, мудрым и опытным. Всё отдавал детям, кормил и оберегал, как дух, самый святой. Я его сын. Теперь я – отец, и у меня сын. А Святой Дух между нами. Вот оно – вечное триединство.

«Во имя Отца, Сына и Святого Духа», – произношу уж в который раз и иду по невспаханному, заросшему мелким кустарником полю. Отгремела энтузиазмом короткая, но дивная пора строительства крупных кооперативных хозяйств. После их перестройки и распада кое-где держатся одиночно окрепшие на своём подворье крестьянские семьи. Дичает деревенский край, некогда наполненный песнями собственного исполнения, живёт теперь под разноголосую фонограмму. Река Днепр и та обмелела. Не деревни, а пустыри и пустоши, лишь в памяти их названья. Вышегор. Кошели. Горожанское. Тупишено. Загоскино. Хлабощинки. Крест. Иструбцево... Их было так много вокруг, что не все ещё названы.

«Во имя Отца, Сына и Святого Духа, – продолжает витать надо мной дух святоотеческий. – Приди, сотворись чудо небесное на моей земле! Яви новую жизнь! Засели мирных людей вдоль родникового русла реки. Обрети живые души возле древней реки. Не дай одичать природе!» Стою на коленях и плачу, а губы беззвучно твердят простые, но жизненно важные слова, заветные древними письменами: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь».

Мегаполисные качели

Трансплантация и перевоплощение одной человеческой сущности в другую начинается ещё здесь, в московском мегаполисе. Ты продолжаешь жить по правилам и ритмам огромного города, а уже в глубинах сознания вызревает новое предназначение. Все значительные дела и побуждения меняются на новую перспективу. Активные действия неудержимо гаснут, величественно наплывает другое загадочное наваждение. Словно рассвет, медленно брезжит и разгорается предвидение другого, таинственного, бытия.

Надо ехать в деревню, в маленький домик на берегу Днепра, на помощь к 80-летним родителям.

От пресыщенности движением и суетой столичного образа жизни охотно покидаю этот громадно изваянный каменный полис и стремительно удаляюсь по местным автобусным трассам в лоно родной смоленской природы.

Вырвавшись на свободу из города, перекрученного транспортными магистралями, попадаешь в пустоту деревенского дряхлеющего окружения – наклонённого дома, накренившихся заборов, осунувшихся дворов.

Не хочется признавать в некогда молодцеватых родителях, сжатых временем, два ведических божества. Замираешь на мгновение перед ужасом неумолимой сущности жизни, его конца и начала. В подсознании включается биологический счётчик времени, словно внутри кувшина слышится замкнутый голос кукушки: «Ку-ку, ку-ку», и тут же среди белого дня встрепенувшийся петушок: «Ку-ка-ре-ку!»

Оглянёшься – ни того ни другого. Одни всполохи мыслей и чувств. И долго нет усмирения, нет утешенья.

Они приходят не сразу: от неутомимой помощи родителям и в общении с природой, когда начинаются походы в ближайшее царство лесов, лугов и полей. Вступаешь в полный контакт со средой обитания и находишь в ней другое, грандиозное, ландшафтно-природное, мегаполисное, совершенство. Ты в центре его. Через тебя идёт всекосмическое пересечение путей в виде художественно сконструированной многоярусной эстакады встреч: береговые линии и полотно плавно скользящей реки пересекаются с автомобильным мостом и разлётами асфальтовой дороги, водные протоки – с заросшими тиной бродами и тростниковыми островками, зеркальная водная гладь – с куполообразной голубой линзой небес, прямолинейные росчерки самолётов – с театрализованными куклами-облаками, дождевые тучи – с радугой и цветами, солнце – с лучами, бликами и тенями. Звуки грома – со щебетанием птиц, жужжанием пчёл, стрекотанием кузнечиков. Вдаль уплывающий маленький крестик безмолвного самолёта с белой ниточкой вытянувшегося и расплывающегося следа.

И ты уже огранённый кристалл в ореоле видимого и постигаемого тобой бытия необычайно просторного, ярко красивого и потрясающе совершенного мира.

Перевоплощение реальных природно-ландшафтных картин в сказочно-космические образы и расплывающиеся фигуры переплетается с твоим внутренним преображением.

Ты вечен, ты причастен к бесконечному сонму вещей, к беспредельному ходу времён.

Хочется двигаться, свободно летать, парить над просторами, долго идти по этой счастливой дороге жизни.

Зазвонил телефон междугородней связи, меня вызывает мегаполис Москва. Там начинают накапливаться отложенные и не решённые до сих пор дела. Я остаюсь на природно-космическом мегаполисе всевышнего совершенства и божества. Процесс обратной трансплантации ещё не начался, между двумя огромными полюсами – Родина и Москва – установлена движущаяся, как качели, сильно захватывающая мощная связь. Звучит внутренний утешающий голос: «Ждите ответа, ждите ответа...» И тишина...

Светотение в лесу

Это только в открытом свободном поле или в запланированных посадках дерево принаправляется ветками строго на север и юг, как стрелка компаса, больше на юг и меньше на север. А в густом смешанном лиственном и хвойном лесу стиснутые друг другом деревья устремляют свою листву туда, где больше света. Посмотрите, как изменяет свою симметрию ветвистое дерево, изгибая ветви и продвигая их к солнцу в непрерывном поиске. Подойдите к северной окраине леса – вы удивитесь. Последний ряд деревьев раскидывает листву и стремится не на юг, а на северную, более солнечную, сторону. Дерево так чувствительно к солнцу и так всё связано с его лучами, что оно для дерева – божество. Наши предки-славяне заметили благотворное действие солнца и благоговейно назвали его великим богом Световидом, дающим возможность жить, развиваться и видеть мир, сотворенный светом. А сам загадочный лес, широколиственный бор, лесные уголья, тайгу – за наполняемость, собираемость и управляемость светом – почитали важнейшим таинственным божеством Светобором.

Вот опушка леса. Вверху круглое очертание голубого неба, в нём много щедро дарящего света, ласкающего землю теплом. Словно по команде, деревья вытягивают свои ветки к центру опушки, не глядя на географию. Кто раньше занял место, тот успешно пользуется солнечной благодатью. Самая шустрая здесь – берёза, ель и сосна не любят отклоняться от вертикали, у них другая программа, как у предводителей леса: быть на одном месте, но выше всех. Способности использовать солнце у хвойных колючек маловато по сравнению с ширококрылой листвой, вот и стремятся сосна и ель порасторопнее занять место под солнцем. А вот дуб растёт медленнее, ему трудновато угнаться за всеми, потому он такой загогулистый и извилистый, изворачиваться приходится во всех направлениях, и листья широченные, разлапистые, загребучие. Медленно растёт, с опозданием, тянется вверх и уплотняется, становится внушительным и могучим.

На просеке лесной тоже оказалось свободное оконце неба в виде длинной солнечной полосы. Берёза тут же воспользовалась удобным случаем, отклонилась от остроконечных хвойных деревьев, пригнула ствол в сторону просеки и подняла верхние ветки к солнцу, образовав целый ряд веток-стволов с широким шатром листвы, быстро заняла всё солнечное пространство без особой борьбы. Неторопливый дуб с противоположной стороны опоздал, закрутил зигзагами, выискивая солнечные просветы среди веток и листьев берёзы.

Что уж говорить о рябинках, клёнах, вязах и липах, не имеющих возможности к высокому устремлению. Они распространяются в ширину, лишь бы место свободное было, солнце приходится ловить в рассеянных и отражённых лучах. Жмутся они под шатровый подол могучих сосен и елей, у которых хвоя высоко, а внизу ствол не имеет ветвей.

А ещё ниже, как бы в третьем ярусе леса, растёт мелкий кустарник. Его положение ещё подневольнее. И тогда он запускает ветки вдоль земли, они стремятся к просветам, да так далеко расходятся, что становятся длиннее ствола. И даже ляжет кустарник стволами на землю, а из них потом вырастут новые приспособленцы – тенелюбивые ветки-стволы.

Сосна выше всех, на её рыжеватом стволе разместились в шахматном порядке легкокрылые ветки с зелёными шариками длинных иголок. На фоне движущихся облаков кажется, что они взмахивают и помогают дереву двигаться к солнцу. Сосна вырастает так высоко, что к самой вершине вода и земные запасы доходят с трудом, и она может засохнуть.

За сосной тянется ёлка, сурово темнеет её силуэт с опущенными ветками, облепленными зелёными солнцепоглощающими иголками. У ёлок другая беда – их рубят на новогодний праздник. Но посмотрите: из метрового обрубка-пенька рванутся вдруг сразу два или три новых ствола. Стоит она, костылявая, повреждённая, отставшая от своих подружек, как уникальный экземпляр авангардно-художественного творения природы и человека.

А вот берёзку кто-то согнул и сломал, опёрлась она коленцем укороченного ствола о землю и вверх опять проросла. Трудно теперь высоко подняться, пробует расти то влево, то вправо, перекрутит ствол зигзагообразной змейкой, но находит светонесущие струйки. Берёзкам лучше расти друг с дружкой, как сестричкам. Для солнечного облюбования отклоняются они в разные стороны, обнявшись ветками и листвою. Стоят с гладко-белыми округлившимися стволами, в сотканных тонкими нитками веток просвечивающихся одеждах из листвы изумрудного цвета, раздуваемых ветром, как у молодых танцующих девиц.

На зиму лес замирает, кажется, умирает совсем, уходит из яви в навь, из жизни в погибель. Только отчаянные зайцы, неприступные вороны, синички и воробьи сопровождают лес в длительный, леденящий ознобом путь от самого короткого светлого дня до весеннего солнцеворота.

И вот приходит весна. Наше солнечное божество Световид становится Яровитом, яростным подателем света и тепла, всё обновляется, возрождается и расцветает. Света хватает всем. Весь проволочный остов деревьев расширяется и окутывается листвою. Во всём объёме леса начинаются воздушные перелёты птиц, бабочек, мошек, жучков. Всем нужно куда-то успеть. Быстро машут крыльями, трепещут, вибрируют, шевелят усами. Жизнь входит в активную фазу, нужно множиться по прописанному природой закону. Солнце и тепло пронизывают каждое божье создание, напитывают свободной энергией, устремляют к движению. Кипень молодой листвы, вытянувшихся из земли трав, пение, шум, щебетанье и разноголосые крики птиц превращают лес в живое, солнцем рождённое поселение. Дай Боже каждому живительной силы. Много чего случайного произойдёт и удивит взбудораженный лес, светотение в который раз распределится по-разному, давая новые возможности получить порцию света или тени жаждущим обитателям. Святобор – бог лесов и лесных угодий; он определяет их участь и жизнь, обеспечивая гармонию и согласование в природе.

И взгромоздятся в вершинах высокого леса тёмные стаи старых зычных ворон и каркающих чёрных воронов, и застучат дятлы твёрдыми клювами по отмершим, засохшим стволам деревьев, и белочки на хвостах-парашютах откроют показательную программу полётов и игр между деревьями, воробьи и синицы с ветки на ветку начнут перепрыгивать. И наполнится лес многими обитателями.

Осенью лес красив, спокоен, прохладен. Птицы летают, но помалкивают, чирикнут однажды или вскрикнут от неожиданности. Осенью лес как бы создан для ясноокого человека, для любования разноцветьем. В это время листва опадает и прозрачность, объёмность леса оптически проявляется. Падающая листва – это особая новизна осеннего леса, светотение сменяется цветокипением. Общая зелёная масса листвы отчётливо разделяется на жёлтые, красные, бурные россыпи разных пород деревьев. Форма листочков чётко очерчена знакомыми с детства фигурками: осина – сердечком, дубочек – ладошкой, клён – пятернёй, рябина – музыкальными пальчиками, ель и сосна – иголками.

Короткая и дивная пора цветной осени сменится частыми дождями, размывающими разноцветье до тёмных монотонных красок. Лес готовится к зимнему сну, сбрасывается последняя тлеющая листва, голые ветки омываются и очищаются, ждут белого снежного покрывала.

В лесу старое и молодое вместе. Отслужило свой срок дерево, не воспроизводит листву – оно засыхает. Вот смотрю: у омертвевшей сосны кора с дерева осыпается, голая мускулатура древесины растрескалась вдоль ствола, и отчётливо видно, как закручивалось по спирали дерево, поворачиваясь к солнцу. Не устояло, рухнуло под напором усиливающегося ветра. Упало и разломилось на части, истлело в труху, удобрено землю для новой поросли. Не прекратится лесное творение ни через год, ни через века – до тех пор, пока человек не вмешается. Сначала тропинку проторит, веников для баньки накопит, деревце срубит, полянку расширит для пикника, на машине потом проедет, мусор оставит, свалку устроит, асфальтовую дорогу проложит и начнёт общаться с лесом по полной программе городской «цивилизации». Ещё тяжелее ста-

нет выживать деревьям в лесу, но пока есть солнце, есть свет и тень, будет лесная обитель жить своей многолетней жизнью.

Если сосны, ели и берёзы стремятся к солнцу, то малина, черника, земляника жмутся к земле, поближе к человеку. И если даже оберут с них ягоды, помнут и потопчут веточки, то они разрастаться от этого ещё больше станут, как бы приглашая людей сделать это место излюбленным.

И ещё в лесу зачем-то растут цветы. Весной много ландышей. Скрутку зелёного листа и белую подвеску миниатюрных духов можно увидеть на целой ароматизированной полянке. Осенью вместо них горит ярким рубином круглая ягода. В начале лета между деревьев, на светлом пятнышке просеявшегося через листву солнечного луча, вырастают голубоглазые незабудки, а чуть позже – голубые колокольчики с крупными колпачками цветков, будто на сказочную головку гномика. Под елями можно увидеть раздвоенные ушки листьев заячьей капусты с беленькими цветками-крохотульками. Сабли осоки, кнуты жгучей крапивы, зацепы репейника-лопуха, прилипалы и липучки можно почувствовать в лесу и увидеть на собственной одежде, пообщаться за превеликое досадное удовольствие.

Всё в лесу как и у людей, места под солнцем каждому хватит. В тайнах судьбы человека, в чудных творениях леса, недостижимо далеко, осязаемо сильно ощущается присутствие Вседержителя. В потрясениях, снах и видениях человеческих, в лесных буреломах, гниющих завалах, тлении листвы как бы с другой стороны подтверждается и предполагается наличие Всемогущего. В загадках и отгадках, в силе знания, провидениях человеческих, в восприятии солнечной энергетики деревьями и растениями незримо теснится душа благодатного Всеясвета и его многогранные лики – Световида, Светояра, Светобора.

Покинув лес, человек теряет сокровенную часть души и не видит недостижимое сознанием Боготворение. А вот придёшь в лес, отыщешь берёзку, прижмёшься к стволу раздражённым, измученным телом, с опущенными руками и ногами тяжёлыми, и вдруг по таинственному врачеванию прирастают к тебе мощные корни и ветки крылатые, доброе прошлое и светлое будущее в тебе обживаются, щедрое солнце и земля плодородная тебе помогают. Они тебя пожалели, поделились живительной силой, ты любим и ты любишь. Что ещё нужно человеку в его короткий, визуально обозначенный век?

Опять же грибы в лесу растут, это особая, знаковая, благодать. В таком привлекательном многообразии они явлены для очарования человеческого! Попробуй устоять, не влюбиться, – не получится. Влюбиться – это всё равно, что солнышко внутри зажечь. Около сердца оно большое, тёплое и ласковое. Любишь сильнее – весь даже светишься, каждая клеточка тела земного, будто звёзды на небе горят.

Солнце – бог света, любовь – внутренний свет души. В лесу нужен солнечный свет, а людям – духовный. Будто есть внутри нас богиня Светлынь и бог Ясмень – предвечные, бескрайние и бесконечные.

Большая берёза

Долго ходил я с ружьём на плече, любясь августовской природой. Блуждал в свободном пространстве лесов и полей, среди некогда заселённых деревень, от которых остались одни пустыри да помнятся их названия.

Почувствовав тяжесть в ногах, присел около старой, одиноко стоящей берёзы. Могучей – в два обхвата, но одряхлевшей. Она старше меня по возрасту, но невозможно определить, насколько. Её ствол – весь в разрывах коры, густо покрытый разноцветным мхом – несёт с десяток толстых ветвей, образуя хитро сплетённую и широко разросшуюся структуру из деревьев в дереве.

Нижняя, обособленная и сильно отклонившаяся от ствола ветвь не выдержала сильного напора ветра и рухнула вниз, расщепив ствол и опрокинув вершину. До самого верха идут рогадины и рогадулины веток, под разными углами раздваиваясь и делясь бессчётно на веточки и листочки. На самом верху ствол берёзы заканчивается последним этажом деревьев-ветвей, их целая пятерня. Они белее и моложе, свободнее от мха и пятен чернения. Такая громадная, уцелевшая от беды берёза в нашей местности – большая редкость.

Осторожно, нащупав ложе между замшелых корней, улёгся возле ствола берёзы на пожелтой траве и осыпавшейся листве, положив руки под голову и закрыв глаза. Ветер шевелил листву и раскачивал ветки, как огромный корабельный парус.

Медленно, словно затонув, я погрузился в дрему. Отяжелевшее от усталости и расслабленности тело расслаивалось и растворялось, всё глубже и глубже уходило в землю, как бы сливалось с ней. Шум ветра и шорох листвы несли старинный, былинно-гуслирный, в сон клонящий напев. Приподнятые на ветру пряди ветвей с жёлто-зелёной листвой под дуновением ветра шевелились по-разному, словно водоросли в воде. Тихо, тайком из-за ствола берёзы выглядывали засохшие, обломанные крючки и штырьки причудливых сучков. Самопроизвольно выводятся и внутренне произносятся знакомые пушкинские слова:

... Там леший бродит, русалка на ветвях сидит.

На мгновение открыл глаза и вдруг отчётливо увидел, что ствол дерева и повисшая на нём сложно организованная архитектура узловатых ветвей растут прямо из моего лба. Не с затылка, как у оленей-красавцев, а точно со лба. От самого центра лба мощным порывом, преодолевшим земное тяготение и движущимся вместе с тобою ввысь, исходит жизнетворящий остов берёзового дерева.

Раскинув руки, словно парящими крыльями, образовал пространственную растяжку: одну в направлении корней, другую в направлении кроны. Энергия солнца, рассеявшаяся под листвой, просыпалась пятнистым контрастом вниз и вошла, едва коснувшись одежды, прямо в меня.

Я почувствовал, что через меня идёт бодрящий, перемененно текущий разряд-подзаряд, жизненный импульс благотворной природы. Зигзагообразные повороты и развороты ветвей, прямые, закрученные в спираль, загадочно пересечённые, как линии на ладони руки, подсказывают длительное и сложное приспособление старой березы к её природной среде.

И вот потянулись мысли: «Кто я? Откуда родом? Что впереди?» Образ дерева-исполина повернул мысли к судьбам людским. Они, как листочки с дерева, получившие временный пропуск на единственный короткий период в бесконечно длящейся жизни, происходят от одного долгожителя и основателя – древа-ствола. Слышишь: гудят натянутые струны нервов-волокон. Видишь: едва различимы внутренние кольца-годы. Я тоже лист могучего древа жизни, размещаюсь в развесистой, периодически опадающей и восстанавливающейся кроне ствола. Отпасть, облететь – это только мне прекратить поддержку ствола. Ствол надёжен и крепок, он

сам даже в тяжёлую зимнюю стужу устоит и, дождавшись прихода весны, выпустит обновлённую молодую листву, не хуже прошлогодней.

Долго лежал я под влиянием зрительного восприятия и ощущения дерева, растущего прямо со лба. Сколько аналогий и параллелей при этом всплывало, теперь и не счесть! Поднялся я уже исцелённым. Усталость исчезла, и ноги бойко пошли по неудобьям дикой природы. Только шёл я не совсем одиноко, не без имени и родства, не без конца и начала, не из ниоткуда и в никуда. Я отчётливо ощущал светившуюся во мне попытку угадать смысл жизни в самом себе и в окружающем мире. Лёгкое, нетелесное воплощение далеко уходящей радости от предчувствия возможности обладания волшебным ключом постижения истины, открытия универсального кода земной жизни наполняло меня. Словно волшебный, подсвечивающийся изнутри воздушный шар, едва касающийся земли, я парил в бесконечном пространстве неба, деревьев, лесов и полей.

Теперь уже вдалеке, великолепным иерархическим силуэтом, как эталон сложности жизни и неистощимости размышлений, как книга разгадки загадочного человеческого бытия, возвышалась раскидистая, раскачивающаяся на ветру, уходившая в горизонт неба задумчивая и могучая старая берёза.

Кладбище старых берёз

Опять я в деревне. Прошли годы, когда легко отдыхалось под старой берёзой. Родители всё теснее жмутся друг к другу, холодеет душа их перед величием неизбежного, ещё сильнее сближаются забывчивостью и заботами, упорно собирают весной берёзовый сок и всё лето пьют прекрасный напиток.

Опять выхожу из дома и иду по случайному маршруту, поворачивая на все четыре стороны. Иду без ружья. Не хочу убивать братьев наших меньших. Они, как дети, не понимают нашей суровости.

Только отойдёшь от дома, и обязательно встретишь то косулю, катапультирующуюся вверх от испуга, то тетерева, разрывающего воздух спасительными крылами, то кабана, рыскающего по полям раскачивающейся походкой, и даже медведя. Крутой городской охотник-любитель может купить лицензию на его отстрел. Говорят, что в этом году их было сделано два.

Но ещё чаще можно встретить оставленные деревни: заброшенные дома, одичавшие сады, одиноко стоящие высохшие деревья со сломанным скелетом ветвей, едва приметные пустоши – крапивой заросшие зоны человеческого местожительства. Весь этот исчезающий деревянный деревенский мир намного больше сегодняшнего жилого фонда.

Мать по православному обычаю готовит одежду для похорон, отец-коммунист не делает подобного, но тоже задумывается. У меня нет трагического предчувствия неотвратимости жизни, но и родители не знают как и когда произойдёт их упокоение. Мои дедушка и бабушка по матери обрели вечный покой на кладбище в деревне Шаниха, родители отца, две сестрички и два братика военного и послевоенного периода – на кладбище в Днепровском.

Иду не по улице, а среди остатков домов. Почему-то вспоминается из школьной программы название картины художника Аркадия Пластова «Фашист пролетел». Иду с придыханием, с тревожным ощущением исторического таинства, иду и оставляю обозначившиеся на траве следы, душа чувственно трепещет от прикосновения к судьбе и к исходу когда-то здесь живших людей. Ощущаю себя археологом на развалинах предшествующих человеческих поселений. Осознаю, что по-настоящему любить свой отеческий край придётся до кладбищ и до руин.

И ещё одну «достопримечательность» пройти невозможно – это кладбище старых берёз. Сюда меня притягивает, как стрелку компаса Полярная звезда, высшая сила духа природы.

Увидеть берёзы, не использованные за столь длительный период существования, а гибнущие в результате естественного разложения, – глубоко пронизывающее душу трагическое зрелище. Подойдя к ним, я несколько раз невольно перекрестился. Исполины торжествующей красоты и былинно-летописного духа были низвергнуты.

Я обошёл каждую из берёз, оглаживая ладонями изувеченные временем стволы. Вернее, остовы стволов. Всё остальное в сломанном и сброшенном виде дотлевало в траве. Стоило прикоснуться к этим останкам – и они ломались и крошились на более мелкие части. Чтобы не чувствовать себя костоломом, я стал двигаться осторожнее.

Место упокоения деревьев было групповым. Здесь находилось шесть поверженных берёз. Каждая берёза, несмотря на единство судьбы, имела свой отличительный облик.

У самой старой из шести засохших берёз была отломана верхняя часть ствола, поэтому она имела вид трёхметрового крючковатого истукана. Образ лешего больше всего подходил для неё. У лешего была единственная трёхпалая рука и нос бобышкой. Три тёмные пустоты от выломившихся ветвей и прогнивших её основ напоминали глазницы. Нижняя часть туловища лешего была покрыта мхом и чагой.

Другая берёза оставалась просто каркасом замшелой коры, так как внутренняя часть громадного ствола отсутствовала: видимо, стала трухлявой и сгорела от попавшей в неё молнии или спички. Чёрная, сильно обуглившаяся и распластанная сверху донизу внутренняя часть дерева напоминала большую недогоревшую головешку.

Ещё одно дерево легло на землю и заросло травой; оно прощупывалось только ногами. Его древесина, полностью потерявшая плотность, стала берёзовой трухой внутри берестяного короба. Это прах погибшей берёзы, образовавшийся за много лет медленного разложения.

Четвёртой берёзе очень подходило название «инвалид»: упавшая нижняя ветка напоминала приподнятый костыль, выше – вывернутая в сторону ветка-рука, а ещё чуть выше – две поднятые вверх ветки-обрубка. Тёмный замшелый ствол и наросты чаги, как протянутые для милостыни ладони, дополняли вид инвалида.

В результате обламывания и падения с берёз засохших веток на земле образовался ворох сухих, уложенных в разных направлениях останков, ступая по которым я слышал отчётливый звук ломающихся частей берёзового скелета. Лисички и земляника нашли здесь возможность своего проживания.

Что же осталось на берёзах от присутствия человека? Скворечники? Нет, их не видно, даже на самых уцелевших из них. Вбитые гвозди? Проволока? Нет. Ничего не осталось. Присутствия человека мы здесь уже не увидим, но кладбище старых берёз всё ещё хранит признаки крестьянского быта.

Дом родителей ещё крепок: ни крыша, ни фундамент пока не подводят. Новых построек не планируется. Однако повышенный объём заготовленных дров для отопления дома удивляет. Берёзовые дрова уложены в несколько кладок, с запасом лет на пять. Корова уже продана. Оставлены овцы и куры – их вырастить проще и не очень затратно. Коса, грабли, лопата всегда под рукой. Мать всё чаще стала повторять народную мудрость: «Собрался умирать, а землю паши». Стала сокрушаться, что не может вдеть нитку в иголку. Стала ходить с деревянной палочкой. Отец приносит палочки после каждого посещения леса, изготовил штук десять и разместил повсюду. Мать сильно печалится по поводу завершения жизни, отец оптимистичен и бесстрашен, потому что участник войны. Недавно пропала дворняжка, другую собаку приобретать не торопятся. Всё рассчитано и размерено, всему свой срок. Берёзы вокруг дома твёрдо стоят и раскачивают ниспадающими зелёными ветвями. В огороде зреют картошка, лук, свёкла, морковь и капуста; сбор урожая ещё впереди.

Березняк безлюдного поля

Я продолжаю ездить в деревню, хотя дом родителей опустел. Дом без родителей – зияющая, ничем не заполняемая пустота, время в нём остановилось.

Я решил ничего не менять, пусть будет он для меня «музеем под открытым небом». Когда вечером остаёшься в доме один, душа, потеряв ощущение времени, плывёт по неведомым путям.

Вдруг на короткое время послышится речь, звук шагов, стук закрывшейся двери. Всё это не вызывает страха – будто идёт мать или отец. Нет, нет, их тела упокоены, но души их присутствуют на грани реальности и видений. Короткий мыслезвук – отец прошёл деловой походкой, другой мыслезвук – мать даёт указание.

Смоленская земля не очень плодородная, но она всегда давала достаточный урожай. В советское время распаханное поле было музыкально и художественно одухотворено.

Крестьянин торжествовал: государство ему помогало и поддерживало его инициативу.

Сегодня видится другое: некогда ухоженная земля зарастает бурьяном. Дикие ненасытные виды растений хищно вонзаются в удобренную землю, ранее используемую для выращивания агрокультур, захватывают пространство, оцетиниваются колючками, репейниками и крапивой, как бы не желая больше впускать человека, наглой и мощной силой проявляя своё бескультурие.

Не прощают они человеку столь долгого изгнания их с огородов и полей.

Нетерпеливо и быстро захватывается непаханое поле. Очень много вокруг таких же безлюдных полей, оставленных деревень, заросших дорог, обмелевших ручьёв, заболоченных родников – кажется, жизнь покидает эти края. Помните, Н.А. Некрасов печалился, что не сжата полоска одна. Множество непаханых полей куда печальнее и грустнее. Раньше такое равнодушное отношение я видел только к разрушенным храмам. Природа без гармоничного отношения к ней человека страдает, да и человеку трудно без неё.

Стою посреди заросшего поля. Кого на нём только нет! И хвощ, нашедший кислотную пищу земли, и конский щавель – хитрец, выросший там, где не будет больше коня, и звербой, сигнализирующий жёлтым цветком о больших переменах, и одиноко торчащий высоченный колючий «дед» – репейник, словно посох заблудших трав, – их так много здесь, с жёсткими, удлинёнными, остро заточенными листочками-ножами.

Травы растут так плотно, что места под солнцем всем мало, но ветер их раскачивает и наклоняет, создавая для них большее пространство под солнцем. И как-то так получается в дикой природе, что каждый год даётся преимущество для выживания то ромашкам, выпавшим белыми островками, то клеверу, распростёртому пышным ковром, то колокольчикам. Борются за выживание: кто корнями, кто семенами. Видно, пошёл процесс перестройки дикого поля «без вмешательства демократии».

Всякий раз я с болью смотрю на дикое поле, на стихийное побоище трав. Через несколько лет закрепились на нём берёзки – «племя молодое, незнакомое». Гляжу я на них – и сердцу становится легче. Такие они нежные, трепетные, на ветру раскачиваются – торопятся стать взрослыми, пока место свободное. Приглянулись мне молодые берёзки, подошёл к ним и потрогал самую красивую. Присмотрелся к ней, а она совсем не белоствольная, а коричневая. И метки на коре не чёрные, а белые. И причёски шелковистой нет, и ветки вниз не приспущены, а направлены вверх.

Но ещё больше я удивился, когда на следующий год на всём поле высыпали голубовато-фиолетовые колокольчики. Их было так много, что чудилось, будто они звонят. Вот большой колокол – он набатный, вот маленький – он вещун, а вот этот – ставь под дугой. А вот кабан прошёл, шатаясь то влево, то вправо, подминая колокольчики или вырывая их из земли.

Но колокольчиков много, стоят весело, покачивая головками на ветру. Звонят колокола колокольчиков над диким полем, словно созывая молодые берёзки занять это место, чтобы оно стало лесным.

Думают колокольчики и я вместе с ними: «Вот вырастет берёзовая роща, и придёт в неё человек и, может, тоже решит здесь обжиться. Только какой такой человек? Может, снова придёт дикарь? И тогда возврата к прошлому нет. Если человек одухотворён природой, если он её любит, он приручает себя к ней. Если же он её разрушает, – он варвар, этот человек с другой психологией. Вместо всеобщей любви он предложит замаскированную любовь к материальным благам. С такими людьми человечество вырождается, оно будет настроено на унижение одухотворённых и на поддержку алчных».

Я встал на колени перед молодой берёзкой и поднял глаза к её вершине. Свет солнца шёл через листву, играл бликами и тенями, вокруг берёзки светилась аура, она трепетала. Я стоял перед ней, как перед иконой, как перед светопозолоченной церковной хоругвью. Я крестился, радовался и плакал.

«Родимое, беспризорное поле, не продано ли ты уже банковским виртуозам, воротилам и ворам? Хорошо, если тебя продадут с пониманием, но ведь ты можешь надолго оказаться бросовым и забомжить».

Эти люди тебя уже выводят из севооборота культур и переводят в разряд охотничьих угодий. Ты будешь пригоден только для охоты или для отдыха и развлечений».

Можно перепланировать не только поле, но и весь край, купить его за накопленные или заморские деньги, ввести чужеземное управление, поменять ориентиры, однако нельзя допустить, чтобы богатенькие новоявленные русские и прочие «шведы» сделали живущих здесь людей нищими дикарями.

И не надо забывать, что ранее – с осквернением храмов, а сегодня – с запустением полей, подобное совершилось и продолжает совершаться.

Я стал ещё внимательнее рассматривать молодые разновозрастные берёзки. И заметил я, что у них светло-зелёные листочки, в заострённой части они коричневые и шероховатые. Листья взрослой берёзы гладкие и тёмно-зелёные.

Переход цвета происходит постепенно, за несколько лет. Ствол молодой берёзки при многократном сбрасывании верхних пластов бересты выбеливается, делая её заметной, оставляя боковые ветки по-прежнему коричневыми.

И вспомнился мне уверенный голос деревенского парня, десятиклассника Андрея: «Выживем!» Я смотрел на молодые берёзки, наблюдал их покачивание, интуитивно улавливал их одобрение, и мой внутренний голос соглашался с ними.

Берёзовые веники дяди Вани

Дядя Ваня и в свои 82 года любит париться в баньке, протопленной по-чёрному. Так она была сконструирована: когда не хватило кирпичей, то дыму предложено было выходить не по трубе, а через деревянную задвижку в потолке. От этого стены и потолок чёрные от копоти. Огонь от горящих берёзовых дров идёт прямо в камни, они быстро и сильно нагреваются. Вот на них-то, после завершения топки, из ковшика и вбрасываются порции горячей воды, мгновенно, как вспышки, превращающиеся в сухой пар, атакующий уставшее, измученное перегрузками тело.

Вот тут человек должен поддаться атаке, отключить собственное «я», раскрыть кожный покров для экзекуции, которую полезно получить даже ребёнку.

Дядя Ваня любил париться сам и сына не прочь был поподчевать, пропарить берёзовым веничком. Нашими предками точно было угадано лечебное действие бани: изгоняли веничком хвори и даже бесов, когда они вселяются в нас. У одного присутствие негативных сил проявляется в виде бесполезного красования: «петух, да и только!», у другого – в чрезмерной суевливости: «точно лопотун», у третьего – в беспечности, неспособности накопить и сохранить запас тепла или ещё чего-либо доброго даже у себя. В баньку сходить – всё равно, что в церкви очиститься, только не крестом, а подручными средствами. А эти подручные средства – тазик, горячая и холодная вода и очищающий веничек. А остальное зависит от ритуальных действий.

Дядя Ваня любил выгонять все хвори, особенно нерасторопность и размахайство. Эти две хвори появляются оттого, что «царя в голове маловато». «Жизненную лямку нужно брать внатяг, не ослабляя и без рывков», – учил он всех на примере лошади.

Заготавливал дядя Ваня растопочные дрова и веники, укладывая их на повозку в ближайшем лесочке. Нерасторопность, считал дядя Ваня, происходит от потери главной цели действия, а размахайство – от множества бесполезных целей.

Поэтому он всегда рассчитывал удар веником: то по спине, то по ногам, и всякий раз – по заднему месту, как бы включая запасную точку мышления.

Горожан любил за их начитанность и грамотность, стегал чаще по ногам, так как имели они тоненькие ножки и округлое брюшко. Местных бил по заднице и спине, чтоб больше думали, чем суетились.

Слабеньким мужикам старательно растирал все места ветками, а то и черенком берёзового веника, разгоняя кровь по сосудам. Слишком сгорбленных впору поленом потчевать, но дядя Ваня их распрямлял повышенной температурой в парилке – вытягивались как по струнке. Прихрамывающих бил по пяткам и суставам, прикладывая и втирая отвар берёзового веника.

Самое сложное было выправить азартных и жадноватых. Им всегда казалось мало экстремального удовольствия: много выпивали, много закусывали, долго были в бане – для них не существовало предела. За них он беспокоился больше всего: «Или в бане запарятся, или пивом подавятся». Однако всех принимал одинаково доброжелательно, не мог уронить честь «национальной русской здравницы».

Уж он точно знает, если кто задурил или заболел, того можно в баньке лучше оздоровительной телепрограммы «откорректировать». И вот в результате приобретённого опыта дядя Ваня задумался о выправлении всего человечества берёзовым веником. Раз человек неправильно воспринимает Божье вразумление, надо помочь веничком – веничком с крапивой, с чистотелом, с ромашкой. Смотришь – и впрямь дело пойдёт. Ведь когда-то перестройка сама пошла, словно сани.

Но если те «сани» запустили сверху, то наши «сани» должны пойти снизу. «По щучьему велению, по моему хотению, сани, идите сами!» Не идут – надо помочь веничком, чтобы одно умное место пропарить. Почто целый век не восстанавливаются храмы? Почто загублен дере-

венский здоровый быт? Почто поля непаханы? Почто трава некошена? Нет до сих пор ответа? Надо всем парить одно это место, через которое доходит смысл жизни. Пора выздоравливать по-настоящему, нужна общая очистительная банька, по-серьёзному.

Дядя Ваня так расчувствовался, что перелил на камни ковшик горячей воды, и понял это только тогда, когда сам стал потчеваться ароматным берёзовым веником.

Этот веничек он собирал со зрелых берёз, подбирал одну веточку к другой, чтобы они были схожими по цвету и размеру и имели одинаковую разлапистость. Затем он укладывал их плотно друг к другу, затягивал узлом размером в захват ладони и закреплял жгутом. Веник был свежим, неподсушенным, с пилообразными зазубринками листьев, и имел тёмно-зелёный крапивный оттенок.

«Что нужно ещё, кроме баньки и веничка, чтобы пропарить, оздоровить и омолодить человечество?» – продолжал думать дядя Ваня, намыливая мочалку и натирая всё тело. Его одухотворённые мысли, как выстрелы пара от горячих камней, рождали новые фантазии. Ему почему-то показалась не очень чистой Америка. Россия – сама не чистюля, но её отмыть можно быстрее и проще. Дядя Ваня начал придумывать конструкцию веника для Америки, и он выходил размером с огромное дерево. «Вот бы этой арясиной пройтись по их архикультуре и банковской структуре, а потом и по нашей, чтоб не американоносили и не европейничали!»

Ещё полчаса бушевал дядя Ваня в бане – и окончательно перегрелся. Вышел освежиться в предбанник, предварительно окатившись холодной водой. Протёрся полотенцем, надел свежее бельё. И вдруг отчётливо понял, что на зиму берёзовых веников придётся заготавливать больше, чем планировал. Перестройка продолжала свой негативный разбег, а значит, лечить многих придётся.

После баньки он выпил берёзового кваса и прилёг посмотреть телевизор. Опять замелькали многочисленные цветные картинки с похожими друг на друга сюжетами. Рука потянулась за веником, но его не было под рукой, тогда он переключил канал и стал смотреть любимую передачу «В мире природы». Показывали старую и молодую берёзовые рощи. «Человеку надо дружить с ними. Иначе веничка негде будет собрать». Дядя Ваня спокойно засыпал, он был доволен собой, своими размышлениями и банькой.

Под окном красовались развесистые берёзы, и ветер шевелил их листву задумчиво и нежно. Впереди будут перемены погоды... Зелёную листву берёз сменит золотистая, ещё более красивая. Скоро придёт осень, а осень – пора подведения итогов, пора созревания и сбора выращенного урожая.

Песня о Днепре

Мои родители построили дом на берегу Днепра и всё время жили на одном месте, исключительно замечательном: от истока реки километров тридцать, если по прямой, без излучин. Русло реки неширокое, но вода в ней холодная, родниковая. Не будь рядом реки, моё детство прошло бы без омовения и очищения родниковой водой.

Теперь, с годами, я воспринимаю реку и её неповторимый исток с душевным, религиозным волнением, как святую добродетель. Река имеет родниковый исток, а моя жизнь – исток от родителей. Какая же странная арифметика! Когда мужчина и женщина образуют пару, влюбляются и венчаются, то получается не два, а три человека – является обязательно первенький. От истока родительской любви до прихода во внешний мир – целая вечность таинственного творения. Но вот ты уже наяву, и тебя с радостью принимает род человеческий. Ты ещё мал, но уже там, в тёмном материнском лоне, пройден природой заданный путь от крохотного существа через сложнейшие виды преобразований до человека, устремлённого к светлой стороне жизни. Материнский исток – это целая река родительской любви, по которой, как в чёлне, несёт тебя по жизни, обеспечивая безопасность, заботу, ласку и радость. Кто же нас так мудро спланировал? Может, наш исток не только родительский, а ещё более ранний – первородный небесный исток? Может, те люди, которые первыми открыли солнечный свет, видели небесный исток? А что, если наша прародина – ледяная Арктика? Не Атлантида, а Арктика. И тогда можно понять и представить, как на фоне северного сияния – сверху вниз нисходит плазма небесного света, искрят коронирующие разряды электрических полей, играют разноцветные блики, горят ореолы, густеют туманности и... – является из всего этого божественная новизна! Может, это окно, прорубленное на нашу планету, через которое хлынуло на неё таинственное многообразие жизни и процесс развития пошёл самостоятельно в естественном земном обрамлении.

Свои живительные истоки нужно знать, а если они забыты, то их необходимо отыскивать и очищать от всего наносного.

Каждый год, приезжая в верховье Днепра, прихожу к роднику, из которого брали воду мои родители. Теперь в округе его называют по их единой фамилии. Весной река разливается, и он исчезает от взора, становится незримым. После схода талой воды он покрывается илом.

Беру лопату и начинаю его очищать, расширять, осязать собственными руками, выбрасывая занесённые потоком воды остатки прошлогодней травы и сухих веток. Вода холодная, руки сводит даже в локтях, работаю с перерывами для ослабления студёной, судорожной ломоты.

Но вот источник готов, вешаю на сучок пластиковый стаканчик для утоления жажды прохожему. Выпьешь стаканчик хрустально-чистой воды – и с радостью снова в путь. Таких родников скатывается в русло реки Днепр много: то с левого, то с правого берега, то с заболоченной низины, то из каменной горки. Вода то мягкая, то сладковатая, то кальциевая, то обильно железистая.

Некоторые плёсы реки настолько богаты родниковыми ключами, что их называют холодными. В жаркую погоду купаться в таком плёсе – превеликое удовольствие, бодрит и освежает с головы до пят.

Если пройти вверх по руслу Днепра, то можно отыскать множество затерянных родников, как бы открыть их заново, поименовать и оценить целебные свойства воды. Но кто это сделает и когда? Вопрос остаётся открытым. Без присутствия людей река засоряется упавшими старыми деревьями, берега зарастают дикой некошеной травой. Редкие спуски и подходы к реке протоптаны или опробованы человеком.

До истока реки Днепр три дороги: от деревни Бочарово, от деревни Дудкино и вверх по руслу реки. Место благодатного истока реки уникально, в округе нескольких десятков кило-

метров начинается водораздел трёх великих рек Русской равнины: Днепра, Волги и Западной Двины.

Это природой созданное ожерелье изначальных истоков равнинных рек – достопримечательность России. По руслу рек русский народ расселялся во всю ширину свободного пространства.

Мы прибыли к истоку Днепра по недавно проложенной дороге со стороны деревни Бочарово.

Был ясный солнечный день. Территория векового истока обустроивалась в сказочном деревянном стиле. Древний исток обновлялся строительством мужского монастыря лепоты необыкновенной. Здесь будет торжество славянского православного мира.

Воплощение высокого духовного замысла идёт полным ходом. Поставлен деревянный храм Святого князя Владимира, обозначен остов деревянной монастырской стены, стоит малая деревянная звонница, и вымощен деревянный настил к входу в красочный деревянный терем, символизирующий заповедный исток Днепра.

Проект столь грандиозен по своей объединительной духовной силе для всех славянских народов и по благолепно продуманному исполнению, что видится здесь религиозно возвышенный промысел.

От территории монастыря, пройдя через малую звонницу с тремя куполообразными крышами и православным крестом наверху, спускаемся по настилу вниз к истоку Днепра, обозначенному теремком с бревенчатыми стенами, резным обрамлением крыши и наличниками на окнах.

Сруб теремка крестообразно сложен на четыре стороны света, на нём сердечком оформлены скаты четырёх сомкнувшихся крыш, в центре их перекрестья на деревянном конусе шатра высятся шарообразный купол и крест. Вся крыша выложена узорчатыми осиновыми дощечками с обрезками волнообразной формы. Для кругового обзора в тереме вырублены небольшие смотровые оконца и дверь.

Входим внутрь терема, к деревянному колодцу, из которого заворачивающе медленно, почти незаметно истекает болотная, не очень прозрачная вода глянцево-тёмного зеркального оттенка. Смотрим, как безмолвно сочится вода из неиссякаемого болотноземного водохранилища. Ощущение неподвижности, гипнотической точки бездонного истока устремляет в неизречённую, исконную Древнюю Русь.

До приезда на исток я посетил в Москве выставку русских художников «Русь древнейшая»: мне показалось, я шагнул в реальную Древнюю Русь. Избавиться от этого наваждения не удалось. Со мной произошло что-то странное, из глубин памяти явилось сказочное заворачивающее видение. «Вдруг ударили колокола малой звонницы, закачалось небо над головами, деревья от ветра взыграли, шатаются».

Прилетели белые гуси-лебеди сторожевые, и явилась долгожданная богиня-берегиня истока Днепра. Одежды прекрасно сложенные, коса светлых волос до пят, с лицом ненаглядным, с очами открыто ясными. И пала ниц трава шелковистая, и вода во мхах засочилась чистая. И благодать разлилась повсюду, и по руслу реки родники открылись, и волной берега омылись».

С трудом я вернулся в реальность и продолжил рассматривать крещённые великим князем Владимиром места, источающие духовные образы старины.

Вокруг истока Днепра изумрудное обрамление леса. Здесь растут сосны, ели, берёзы, ольха, здесь мелколесье, осока и разное влажнотравье. Густо пахнет смолой.

Недалеко на болотистом месте пара невидимых журавлей оповещает звонкими тревожными трубными звуками наш приход, означая осёдлое своё гнездование.

В тишине леса крик звучит высоко, идёт будто из глубины открывшегося истока, усиливаясь органно выстроенными стволами сосен, уходя через раструб вершин в бездонную высь неба к лёгкости облаков.

Сказочное ощущение древнерусского истока реки усиливается. Крик журавлей периодически повторяется через небольшие паузы и звучит в лесном окоёме точёным пронзительным звуком.

«К реке и вы! К реке и вы! Какой восторг, что вы пришли!» – перевожу с птичьего языка на человеческий.

Над истоком летит чарующе-чистый, в небо посланный сдвоенный птицами крик: «кРив-кРи-и-И-и-в, кРив-кРи-и-И-и-в».

Наверное, так уходит душа, освобождаясь от тела и торопясь по каналу всеохватной связи в таинственные миры бесконечной жизни, летящих времён, свободных пространств, к всепоглощающему центру единства мира. Вот потому весной или осенью, услышав крик журавлей, отрывается душа от пяток и опробывает свой высокий полёт.

А какой он дальше – исток? Протянется ещё несколько километров узкой ленточкой тихой воды и лишь после встречи с притоками, с правым и левым Днепрцем, потечёт бойкой протокой. Вначале едва заметный вольный исток Днепра вскоре наполнится родниковыми водами, соберёт в русло другие притоки многочисленных речушек и рек, пройдёт и соединит однородным потоком воды Россию, Белоруссию и Украину. Исток Днепра. Выток Дняпра. Джерелі Дніпра.

Со мной директор Днепровской средней школы Надежда Анатольевна Соболева. Вдохновлённые видом истока Днепра, мы говорим, что школа – это тоже благодатный исток, исток образования и развития молодых людей.

Я говорю: «Школа – это корабль с алыми парусами».

Она говорит: «Это космический самолёт».

Я говорю: «Школа – это спираль знаний».

Она говорит: «Это рост и развитие».

Символами и образными словами мы возвышаем духовное значение школы. Мать и отец – родители тела, школа – воспитатель души. И подумалось мне: «Русскому человеку нужно обязательно подзаряжаться от своих живительных истоков, не забывать и ценить их, наполняться ими, открывать, обновлять и множить свои заповедные истоки. И всё для этого есть: славяно-ведическая история, православная вера, точные науки и достоверные знания, богатая природа, необъятная родина, любимые родители, братья и сёстры, трудолюбивый и умный народ».

Лес шумел листвой, одухотворяя запахами деревьев и трав, журавли настойчиво курлыкали, деревянный монастырь обустроивался, земной и небесный истоки пульсировали в моём сердце, настраиваясь на бесконечную, вечно творящую суть космического бытия. Вот они, наши живительные истоки, вот она, энергетика жизни, вот она, наша божественная заповедь и благодать! «Люди дорогие, живите!» В голове завихрились мысли и чувства, хотелось чего-то необыкновенного, запредельного. И как-то вдруг само собой родилась и озвучилась внутренним голосом песня о Днепре:

Два Днепреца, два Днепреца
Соединил исток Днепра.
И с древних лет ведических
Течёт Великая река:
Из родниковых кладезей,
Из приболотных заводей,
Лесных дремучих залежей –

Течёт, течёт моя река.

За первой строфой пришла вторая.

Два Днестра, два Днестра
Сомкнут святой исток Днепра.
И через нашу Родину
Пройдёт Великая река:
По матери российская,
В пути, знать, – белорусская,
На устье – украинская –
Бежит, бежит моя река.

Немного поиграл ритмами, и прилетела третья строфа.

Два Днестра, два Днестра,
А между них – исток Днепра.
И в жизнь твою духовную
Войдёт Великая река.
Прими её, хрустальную,
Поверь в неё, заветную,
Люби, как благодатную, –
Хранит, хранит моя река.

Я произносил входящие в меня и исходящие из меня слова. Энергия какого-то высокого духа, небесно-земного истока отзывалась в душе, заставляла повторять их, рифмовать и складывать в гармонический ряд:

Два Днестра, два Днестра,
Начнётся здесь исток Днепра.
И через всю историю
Идёт, течёт, бежит, хранит –
Моя Великая река.

По дороге назад от истока Днепра, на отдалённом перекрёстке сельских дорог, встретился нам местный житель. Он стоял в проёме лесной дороги, с иконописным лицом, окладистой бородой, с ясным открытым взором, с деревянным посохом, опрятно одетый, спокойный, стройно сложенный, наблюдательно-осторожный. Это был старообрядец, коих в здешних местах ещё предостаточно. Они берегут и передают из поколения в поколение свой праведный, неизменный исток православной веры.

Исток может быть затерянным, а может стать канонизированным – всё зависит от нашего чувства любви. В простом увидеть величественное – это уникальное творческое начало, это сотворение собственного родного края, земного поднебесного рая – радостью, добром и светом наполненного мифологизированного русского жития.

Реченька моя журчащая

И утром, и днём, и вечером хожу по берегам Днепра. Приедешь на две недельки на исконную родину и отдыхаешь. Покинув деревню, человек теряет душу, ведь она рождается здесь и связана, как пуповиной, с малой родимой землёй. Когда в мир иной уходят родители, то начинаешь очень близко ощущать природу как божество. Если нет рядом людей, природа их замечает. В минуты же полного одиночества остаётся самая тонкая связь, ты – клеточка космоса.

Сядешь на берегу Днепра, где он журчит, извиваясь между камней, смотришь, слушаешь, а голова склоняется к сердцу, и начинаешь вести внутри себя от любви умилённую речь: «Реченька моя журчащая, слушаю тебя – не наслушаюсь, смотрю на тебя – не насмотрюсь». Сказал и ещё раз захотел повторить: «Реченька моя журчащая, слушаю тебя – не наслушаюсь, смотрю на тебя – не насмотрюсь». Третий раз произнёс уже при слезах: рвётся душа моя милая постенать о хорошем. Долго сижу возле небольшого каменистого перепада реки, светло радуюсь и тихо грущу. Вода на камнях горбится, а скатившись с них, лохматится брызгами и пенится белым молоком, жаворонком журчит, заливаётся. Мысли и воспоминания струйками текут сами собой, плавно разворачиваясь или бурля, как водный поток.

«Мои родители после войны построили дом на берегу Днепра и всё время жили на одном месте, исключительно замечательном: от истока реки километров тридцать. Русло реки неширокое, но вода в ней холодная, родниковая. Не будь рядом реки, моё детство прошло бы без омовения и очищения родниковой водой».

Подумал как-то объёмно, одним цельным всеохватным символом, связывающим реку и жизнь, себя и родителей, земное и небесное. Никакие особые выводы не являются, только значимость чувств необыкновенная, и сердце бьётся камертоном в груди. Жизнь в самом зрелом периоде, она ещё не прожита, но обозначена её ускоряющаяся дистанция.

Река времени течёт быстро, а мысли – стремительно. Я жив и чуток ко всему, что дарит время.

Опять, будто в кадре любимого фильма, нежно звучит возобновляющийся речитатив: «Реченька моя журчащая, слушаю тебя – не наслушаюсь, смотрю на тебя – не насмотрюсь, люблюсь тобой – не налюбуюсь». Река влечёт, зовёт и манит.

Разглядываю широко открытыми глазами, словно перископом, русло реки то вдоль, то поперёк течения. Камни просветлены обкатывающейся линзой воды, от встреченной преграды течение раздваивается и устремляется к левому и правому берегам. Под напором движущихся волн вода вибрирует на поверхности плавно чередующимися упругими бугорками и впадинами, то убыстряется, то замирает, то затихает, то повышает интонации и переборы с бульканьем и шипением.

Внутренний голос опять озвучил возвышенный монолог из когда-то написанного рассказа. «Чуден Днепр в верховьях реки чистотой своих вод. Не всякий человек осмелится окунуться в её прохладную воду, в редкие плёсы его может заглянуть тёплое солнце. Но когда развернёт свои воды Днепр и вынесет на перекаат придонных камней, забурлит река и завертится, наполнится воздушными смесями и настоями душистых трав, прогладится нежными прядями зелёных водорослей, – вот тогда бери и пользуйся».

Над рекой вижу белым бликом светящийся, будто по линейке нарисованный, железобетонный мост. Во всю длину он симметрично отражается в водах Днепра, оттого кажется ещё уникальнее. Впереди и сзади водного перепада камней гладкая, будто остеклённая, плоскость воды с бело-голубой узорной резьбой отражающихся небес и облаков, с изумрудными орнаментами перевернутых крон от наклонённых деревьев, с обрамлениями изогнутых береговых линий, наполненных травяной осокой. Происходит фантастическое соприкосновение, обогащение и расширение по-новому зримого мира. Слышу разноголосое щебетание птиц, шум

листвы на деревьях, дуновение ветра. Взгляд останавливается на быстром, пенящемся разбеге воды, играющем неповторимую симфонию жизни на щербинках камней.

«Реченька моя журчащая, слушаю тебя – не наслушаюсь, смотрю на тебя – не насмотрюсь, люблюсь тобой – не налюбуюсь».

Пузырьками насыщенная, шипящая брызгами и поднятая в воздух вода, переливаясь из одного места в другое, пишет в пространстве загадочные многоярусные письмена. И я как будто читаю их и раздвигаю границы осознаваемой красоты и величия земной жизни.

«Теперь, с годами, я воспринимаю реку и её неповторимый исток с душевным религиозным волнением, как святую добродетель. Река имеет родниковый исток, а моя жизнь – исток от родителей. Живительные истоки нужно ценить. Исток может быть затерянным, а может стать канонизированным – всё зависит от нашего чувства любви». Я сидел на берегу реки, и радость переполняла меня. Языком любви, интимных журчаний общалась со мной река. Чувствовать себя здоровой частицей Бога мне было приятно.

«Реченька моя журчащая, слушаю тебя – не наслушаюсь, смотрю на тебя – не насмотрюсь. Говорю с тобой – не наговорюсь».

Замираю и смотрю вокруг открывшимся боковым зрением. Мозг созерцает, душа резонирует, дух изрекается. Одновременно в бегущей пульсирующей ряби воды видишь горение множества солнечных зайчиков, лучи проникают до дна, и оно светится золотокаменными переливами. Вода пульсирует на перепаде порога, танцует на выходе и торит дорогу вдаль. Стайки рыб выстраиваются против течения, трепещут хвостиками и плавниками, ждут окормления.

На фоне осознанного понимания неизбежности исчезновения деревень и исхода из этих мест русских людей происходит воскрешение духа незамирающей жизни, Богом созданного активного, многогранного и бессмертного природного бытия. Река течёт из истока и помнит места, где она протекала. Речь человеческая берётся из памяти, устремляясь вперёд из прошлого.

Вот ведь опять же: на Дальний Восток вернулись для постоянного проживания на селе эмигрировавшие в дореволюционные времена русские люди. Тысячелетия и миллионлетия вам, мои дорогие, с нами матушка-земля и ясно солнышко.

Достаю купленный в Москве варган – горловой однострунный инструмент, приставляемый к губам, издающий ритмично восходящие и затухающие звуки. Сажусь на бережок излуины и однообразными ударами пальцев о камертонный металлический язычок начинаю издавать монотонные звуки, таинственно резонирующие с внутренним миром души.

Отличное средство для воплощения звучащей в душе мелодии. Варган – это древнейший музыкальный инструмент. Кто его приобретает и осваивает, тот улучшает здоровье, эмоциональное состояние, обстоятельства начинают складываться наилучшим образом. И чем более умело обращаешься с инструментом, тем более интенсивно происходят положительные изменения.

«Варган» – слово очень ёмкое, древнеславянского происхождения. Давайте «покопаемся в корнях» и поймём очень важное: Сварог – бог древних славян, основатель творчески-преобразовательной деятельности людей, сошедший с неба «сва» и даровавший способность получать достаток, как из «рога изобилия». Посмотрим далее: сварганить – сделать, сварить – улучшить, свара – связка, свадьба – небесный союз, сват и сватья – можно сказать, родственники, а свет – не из этого ли корня?

Язычок варгана очень чутко реагирует на дыхание и чувствителен к движениям пальца, что позволяет легко извлекать различные звуки в быстром и медленном темпе. Я погружаюсь в реликтовый звук, соединяющий вечность, пространство и жизнь. Всё мирозданье, от камней у реки до звёзд в вышине, оживляется. У всех различный темп жизни, для одних – это только

миг, для других – целая вечность. Варган извлекает душу, выносит её из физического существования и переносит в другую обитель, в другие миры.

Я издаю гортанно-горловые звуки и пускаю их по-над рекой. «Га-а-а, го-о-о, гу-у-у, гы-ы-ы», – словно богу Сварогу отсылаются буквосочетания и закодированные слова, я зову и готов точно поверить в невозможную встречу с ним. Река по-прежнему журчит переборами, пережат воды на камнях речист и светел, манящий поток неумолим и необратим – как быстро текущее время, непостижим и недостижим – как уходящее вдаль пространство. Вижу в воде затонувший параллельный мир. Живой, движущийся мир, здесь, наяву, и остановившийся, там, в глубине, в голубой бесконечной бездне.

Слышу, слышу чарующие звуки. Слышу, слышу тихий, таинственно-загадочный шёпот ведических богов. Слышу громкие всплески, шлепки, бурчания и напевы воды на перекатах в заводи, на крутых поворотах излуин, на широких раздольных плёсах. И эта симфония звуков от истока и до самого устья реки звучит для всех слушателей, влюблённых в родные края, – в том числе и для меня.

Голубиный мост

Под широким потолком железобетонного моста через речку Днепр, на площадке между опорами поселились бездомные голуби. Это место им очень понравилось. Внизу чистая речная вода, вверху надёжная крыша. Просыпанные на дорогу зёрнышки попадают, и к людям поближе. Хоть нечастое, но есть через мост движение.

Вот уже пятнадцать лет голубиная стая совершает привычный полёт над рекой, над полями, над опустевшими деревнями и пустошами. То, что они не стали дикими и не улетели в другие, более обжитые, места, объединило их в общую стаю под новой железобетонной крышей моста.

Между длинными пролётами моста, под высокими сводами хорошее эхо: заворкуют голуби, будто мощный орган загудит. Утром солнце взойдёт, от воды отразится, и окрасится свод изнутри дрожащими разливами света. Взлетит парочка голубей, усядется на перила моста и смотрит, смотрит вокруг, прихорашивается.

В это время идёт за водой дед Михаил, остановится рядом и что-то подслушивает.

«Смотрит-ка, выползает!» – радостно выскажет он мысль и, подставив лицо ласковым лучам восходящего солнца, скрипя коромыслом, понесёт родниковую воду в дом.

Когда-то он сам любил голубей, но уехали дети, и гуркующий звук голубей стал неуместным. Поднялся он на чердак и закрыл оконце заглушкой. Вот от таких заглушек, забитых дверей, покинутых изб собралась голубиная стая. Посмотришь, от иной деревни одни деревья остались, а голуби и туда прилетают.

Самое далёкое место для голубей – это остаток деревни Спас. Прилетают голуби и сюда посидеть на верхушке церкви, неприкаянно и скорбно стоящей на высоком берегу реки Днепр. Летают голуби, будто ангелы отживших свой срок людей, смотрят – не наглядятся кругом.

Дед Михаил и бабушка Паша тоже не покинули деревню и дом, сохранили своё гнездо. Лет сорок назад забросил дед Михаил хромовые сапоги и гармонь на чердак, впустил электричество в дом и отпустил сыновей в город.

Ну а чтоб хлеб, мясо, молоко да лук с огурцами были, стал дед Михаил личное подсобное хозяйство укреплять. Обходя покинутые деревни, отыскал конный плуг, почистил его и приладил. Кусок брошенной бороны на краю поля откопал, тоже приладил для конной тяги. Тележку на двух колёсах приспособил, чтоб сено и мешки с картошкой возить. Хомут тоже нашёл, починил. Вожжи из кусочков связал. Дугу выгнул из нужного дерева. В общем, всё, что былём поросло, он отыскал, очистил, починил и пустил в оборот.

Когда наступало время сажать картошку, шёл дед Михаил за конём к пастуху совхозного стада, за семь километров. Покупал его на денёк и сам с бабушкой Пашей картошку сажал на двенадцати сотках.

Хочешь корову, поросёнка, овец и кур держать – картошка большое подспорье. Скоро приоровился дед Михаил и полностью освоил подсобное производство.

Попробуй весной не посади, летом не заготовь, осенью не собери, а зимой не сохрани. Что будешь на следующий год делать?

Вот так стали дед Михаил да бабушка Паша не только себя кормить, но и детям в город давать, да и совхозу помогать. Бабушка Паша молоко сдавала, дед Михаил – то бычка, то овечку.

Через некоторое время рядом с домом проложили асфальтированную дорогу. Дед Михаил часто посматривал на проезжающие автомашины, прикладывая ладонь к бровям, как бы приветствуя и одновременно наблюдая. Мощные автомобили торопились помочь человеку, как бы навёрстывая упущенное из-за бездорожья.

Бабушка Паша стояла рядом, переступая с ноги на ногу. Дед Михаил почёсывал затылок: сколько в новой дороге было разного смысла, одним словом не скажешь.

Что-то приходило, а что-то уходило.

Приходила память, а уходила жизнь. Открылись дальние дороги, но заросли тропинки вдоль реки, текущей совсем рядом.

Бабушка Паша ходит к речке собирать для поросят крапиву, пробираясь через некошеную траву и бурьян. А помнится, речка была совсем иной: ухоженной, прокошенной даже на маленьких островках, с пасущимися коровами и играющими ребяташками. Так и стоит перед глазами тёмно-зелёный разлив сочной травы, прибрежной черёмухи, овсяного поля. Видно так ясно, будто в огромном аквариуме, – объёмно, выпукло, во всю красоту.

Разогнёт уставшую спину бабушка Паша, сопоставит две жизни: ту, что проносится по дороге, и ту, что была возле реки. Бегут они в разных направлениях: одна в будущее, а другая в прошлое. И только в одном месте, на мосту, зрительно пересекаются две жизни.

Мост – не плотина, он не навредил руслу реки, он перешагнул через неё. Река так же свободно продолжила своё движение, правда, заросла, обмелела, но это уже не из-за моста.

Голуби на перилах моста подолгу расслаиваются, поднимутся высоко в небо, словно серебряные самолётики, полетают и опять сядут, разгоняя деду Мише тоску.

Смотрят голуби на дорогу, будто поджидают, может, ещё кто-то проедет или пройдёт? И вот под праздники, объединённые с выходными днями, потянутся из городов, будто по птичьему зову, нагруженные рюкзаками люди. Они неудержимо помчатся в поездах и автобусах из города в деревню. Не спавшие ночью в дороге, в измятой нарядной одежде, исстрадавшиеся долгой разлукой с родным домом, вынесутся они на родные просторы. Не остановят их ни очереди, ни билеты. Оживлённая радостью встреч, возбуждённая стихией толпа выплеснется на деревенские дороги. И голубиный мост обретает это движение.

Скоро дед Миша и бабушка Паша встретят своих сыновей-голубков. Но эта радость короткая – быстро пролетают дни встречи. Соберёт и унесёт, будто ураганом, гостей и родных по накатанной дороге в приютившие их города.

На перилах моста останется и засидится надолго голубиная парочка. Рядышком сядут, наохлятся, головками поддёргивают, друг на друга поглядывают.

* * *

Прошёл ещё десяток лет. Нет на мосту последней голубиной парочки, нет на белом свете деда Миши и бабушки Паши. Голубиный мост опустел и стал хорошим укрытием для воробьёв. Речка ещё больше обмелела и заросла. Дорога изрядно побита лесовозами. Пахотная земля во многих местах заросла молодым березняком. Большое коллективное хозяйство совхоза, как голубиная стая, постепенно распалось на мелкие островки выживания с единичными экземплярами давно списанной техники, ещё пригодной для небольших объёмов работ.

Из дальних краёв прилетел заморский голубок, англичанин русского происхождения, кружит, родной, в поисках своих корней и лучшей доли. Ищет пути новых бизнес-подходов или деревенских невест. Приезжают в опустевшие избы городские пенсионеры на летний сезон – в этом возрасте так хочется быть долгожителем. Кружат в собственных автомобилях одинокие «голубки» – отпускники – не поехали к морю, тянет в родные края, знают – здесь потерянный рай.

Богат его простор, очерченный полётами голубей, много в нём разнотравья, лесов и полей, солнце не перестало щедро светить, воздух чист, озонирован грозами, приправлен черёмуховыми, липовыми и цветочными запахами. Выткуются, выткуются новые жизни в нём. Всё повторится, – повторится сначала. Как много просторного места для отдыха и труда! Это наше

родное раздолье, резерв и ресурс нашей жизни. Город, конечно, останется, но желание деревенской жизни и крестьянского труда появится.

Много ещё в русской душе голубинового чувства любви к малой и большой родине, не стала душа черствей к природе и людям. Бывало, бабушка Паша любила повторять: «Болезнь – болей, а пашню засеи». Никогда она не говорила: «Хочешь жить, умей вертеться».

И мы немного добавим: «Корни растут в землю, а ветки тянутся к солнцу. Домашний голубь смог стать диким, но ведь ещё раньше лесной голубь-витютень стал прирученным голубком. Крестьянин уехал в город, стал городским, а значит, и горожанин вернётся в село и будет крестьянином. Когда на земле человек, она совершенно иная. Нет человека – она дикая, есть человек – окультуренная. Любую, хоть и одичавшую, любить её нужно даже такую – заповедную».

Благотворение

Когда наступает осень, меня тянет в деревню, в маленький домик на берегу Днепра. За парным молоком безмятежного детства, за росистым туманом зари зовут меня родные края. Видения прошлого, мир воспоминаний нежным светом пеленают неуёмную жажду будничных дней. Я ухожу в дела, строю текущие планы, принимаю решения, но мысль, словно под стук вагонных колёс, напевает одно и то же: «Бе-ри би-ле-ты – и в путь... Бе-ри би-ле-ты – и в путь...» Так и не уснув, растревоженный нахлынувшими размышлениями о детстве, о матери и об отце, уединённо мечтаю на верхней полке. Самые дальние, едва воспроизводимые сцены из жизни рисует моё воображение... Деревня. Тёплый, ярко-красный закат летнего дня. На сочно-зелёном лугу вокруг мужиков сидят малыши, слушают сказ о больших городах. Восхищениям нет конца. Самый лукавый старик, сияя доброй улыбкой, щедро предлагает: «Кому Москву показать?»

«Мне, покажи, мне!»

Он берёт меня жёсткими натруженными руками и высоко поднимает над головой. «Гляди, дружок, хорошенько», – бормочет он.

«Не видно, дедулька, чуть выше, ещё хоть чуть-чуть», – доверчиво выпрашиваю у деда чудес.

«Э-э-э, видать, не дорос ещё, ступай-ка на землю, касатик, мал ты ещё».

Несбывшаяся, наивная надежда досаждаёт слегка, но не исчезает полностью. Мы снова вслушиваемся в речь мужиков. Луг постепенно темнеет, тускнеет заря...

Но вот другое. Лечу над огромной Москвой, видны широкие проспекты, громадные кварталы, сплошные потоки машин. Необъятная столица в круговороте дел, она завораживающе дорога своей неисчерпаемостью. Вот опускаюсь в таинственные кладовые книг и наук, брожу по вместилищу чудных творений народов, пользуюсь сокровищницей изящных искусств, припадаю к Вечному огню героической славы, как к источнику послевоенной жизни... Картины перемешиваются, накладываются, дополняя друг друга, меняются... Появляется тусклый, мерцающий свет, будто в окне. Всматриваюсь и отчётливо различаю маленький домик на берегу Днепра.

Так и мчит меня поезд – в глубокую мудрость тёмной ночи, всё ближе и ближе к родному дому, по известному сердцу пути. Станция – город Вязьма. Мне выходить. Оставляя в тёплом пригретом купе вагона последний аромат Подмосковья и сонные улыбки приветливых пассажиров, ступаю на родную Смоленщину. Свежий, прохладный воздух вместе с протяжным, приземистым звуком гудка машиниста врывается пронизывающей, бодрящей волной в оторопевшее было сознание. Пять часов утра, но вокзал переполнен: служащие, заспанные студенты, бодрые старички, солдаты. Сердитый толстый грузин с двумя чемоданами, прижатый жёсткой пружиной входных дверей, суетится, барахтается и лопочет что-то непонятное. Шумные цыганки-молдаванки, гадающие на правду и то только за деньги. Старушки-суетушки, наряженные и весёлые, как игрушки. Милиционер – блистательный рыцарь и кавалер. Мужичок-землячок – на скамейке лежит, но не спит – за багажом следит. Что ни девушка, то красавица. Всякий юноша – молодец. Каждый старец – мудрец.

Невольно я отношусь сердечнее и теплее к людям, находящимся рядом, даже к незнакомым, случайным, но уже близким и чем-то родным.

Здесь же, в киоске, покупаю несколько местных газет, с огромным желанием читаю обо всех мелочах жизни, они наполняют меня особым чувством гордости, радости и любви за всё, что происходит на этой славной земле.

С самого раннего детства помнятся мне героические её дела, добрые люди её, жители родного села и труженики большого призвания, её исторические места, победы и достижения. Это моё благодатное мироощущение, моя среда обитания.

В самолёте рейсом на Днепровское, придвинувшись вплотную к иллюминатору, жадно всматриваюсь в распластавшуюся внизу чудно-пятнистую скатерть родной земли, наглядеться никак не могу. Отсюда всё земное значительно красивее. Дороги выровнены, без ухабов, выбоин и ям. Линии электропередач изящно стремительны, несут энергию во все стороны, любому, кто в ней нуждается.

Ровный покров пышных лесов по-женски наряжен. Вижу стаю птиц с серебристым отливом, парящих внизу, гордую поступь рогатых лосей, лесные пруды и блюдца озёр. Разумно спланированный контур убранных полей гармонично дополняет природный пейзаж. Часто попадая в нисходящие потоки воздуха, самолёт резко проваливается. Внутренние ощущения от того обостряются, восторг заполняет душу:

Весь в движение вращая,
С замиранием летишь.
Ах, Смоленщина родная,
Как уверенно стоишь!

С нетерпением ищу живого общения с человеком, но мотор самолёта оглушительно рокочет. Если пожелаешь что-то сказать, всё равно не услышат.

Вокруг такие же сияющие чувством, просветлённые, радостные лица пассажиров. Я – «немой», а они – «глухие», остаётся только улыбаться.

Через двадцать минут красавец сельской авиации Ан-2 приземляется. Он касается земли и лихо мчится по неровному полю аэродрома, пассажиров трясёт, словно в телеге. Шляпа, оставленная в этот миг без присмотра, летит с головы долой.

Хочу всё разглядеть: кусты, мелькнувшие передо мной, посадочный ориентир, ярким пятном рванувшийся назад, луговую траву. Двумя руками, ухватившись за поручни кресла, стараюсь удержать тело в одном положении, пытаюсь сосредоточить взгляд – не получается: стальная машина неумолимо урчит, фырчит буйным винтом, вырывается, разворачивается.

Восторженно-ошарашенные глаза пассажиров – круглые, как смотровые окна.

Ввалившись по самые плечи в иллюминатор, пытаюсь узнать во взволнованных лицах людей своих родных и друзей.

Вижу среди них весёлую фигуру отца.

Наряженный, как молодой, в белой рубашке и без головного убора, он живо рассматривает прищуренными глазами приезжих.

– Отец, я здесь! – кричу.

Обнимаемся крепко и ладно, хлопаем друг друга по плечам.

– Как поживаешь, сынок?

– Хорошо, а ты как?

– У нас всё нормально! Молодец, что приехал!

Весёлый перебор голосов ходит по лугу.

– Здорово, Алёха!

– Возвращаешься, блудный сын!

– Приходи в гости!

– Обязательно встретимся!

Заворожённые встречей, шумным балаганом идём к транспортной стоянке, к месту, обозначенному двумя толстыми жердями для конской привязи.

Кто на чём смог, тот на том и приехал: тракторы, машины, лошади, велосипеды, не хватало только комбайна.

– Посмотри сюда, – говорит отец. Его голубые глаза блестят лукавым озорством. – Это тебе что?! – трогает за плечо и указывает согнутым пальцем на красный, как пожарная машина, мотоцикл.

– Экстра! Сюрприз! – восклицает он.

Новый, блистательно-чистый красавец «Урал» вырос, будто из-под его руки. Рдеющий силой, вздыбленный и большой, готовый принять любые старты.

– Ни фиги себе штука! – почтительно трогаю гладкий отлив металла.

– А ну-ка, прокати! – предлагает отец, а сам громоздится с моим портфелем и сумкой в мотоциклетную люльку.

Я подхожу к левой стороне мотора, пробую газ, качаю руль колеса, затем нажимаю на ключ зажигания и одним резким толчком ноги запускаю двигатель; работает чётко, ревет на повышенных оборотах. По свободной просёлочной дороге мотоцикл быстро набирает скорость, идёт уверенно и легко.

– Ну и сила, а?! – отец выставляет вверх большой здоровущий палец, показательно двигает рукой. – Экстра! Люкс!

Наклоняясь ближе к отцу, перекрывая шум разрывающегося воздуха, я кричу:

– Идёт как электричка в метро!

Ветер треплет волосы, выбивает слезу. На большой скорости, преодолев семь километров, перескочив горбатенький деревянный мостик через реку Днепр, с разворота влетаем во двор, начисто разогнав испугавшихся кур. Из-под террасы выскакивает дворняжка Тобик и мчится наперерез движению; он узнаёт меня. Словно маленький шерстяной клубок, с безрассудной радостью он крутится возле самых колёс, высоко подпрыгивает, вихляет задом, издаёт такие звуки, что, кажется, вот-вот заговорит или захлебнётся от собственного восторга.

На крыльце – улыбающаяся мать, я сразу вспоминаю тёмно-вишнёвый выцветший фартук, надетый на ней, и добрые дорогие лучики-морщинки её лица. Детская шалость, удаль или красота любования завладели мной, я снова прибавил газ. Торжественно восседаю на тридцатидвухсильном выносливом мотоцикле, исполненный цирковым озорством, с эффектом его развернул, задними колёсами плавно скользнув по скошенной траве.

Малышка Тобик тут же налетел как смерч, путается под ногами, мешает идти. Вытирая мокрые руки передником, небольшими семенящими шажками мать идёт к нам навстречу.

– А мы тебя совсем заждались, думали, не забыл ли ты нас, Алексей?

– Ну что ты, мама, как я могу?

Я подошёл к матери и поцеловал её.

– Батюшки, да ты весь в пыли! Снимай-ка пиджак, я его отряхну.

– Ничего, мама, ерунда, я сам.

Тщательно очистив одежду от дорожной пыли, я беру вещи и вхожу в дом, срубленный после войны собственноручно матерью и отцом. Годы идут, а он всё стоит и стоит. Низенький потолок, как ступаешь с порога, сразу напирает сверху непривычной теснотой, неровно выложенная бугристая печь, пластмассовая люстра, на спиленной этажерке – телевизор, рядом – комод и холодильник, никелированные кровати с самодельными узорами покрывал – потускневшее старое рядом с купленным новым. Здесь прошло моё детство.

– Как поживаешь, мама? – снимая пиджак и вешая его на вбитый в стену гвоздь, обращаюсь я к матери. – Как здоровье?

– Спасибо, сынок, всё хорошо! – мать накрывает на стол. – Не управляемся только с хозяйством, тяжело стало сено косить, дрова рубить, картошку копать.

– Отец помогает?

– Помогает, конечно, но бывает и выпьет. Этой весной в самый разлив реки не пошёл в обход на дальний Слепцовский мост, взял да и переплыл через речку. Одной рукой гребёт, а в другой одежду держит, льдиной того и гляди собьёт. Я переволновалась, а он храбрится, думает, что всё молодой, – корила она его.

Я внимательно слушал, улавливая в её голосе горделивые нотки за своего старика.

– В остальном он ничего. Руки у него золотые.

Она охотно рассказывает о новостях в деревне, я готов слушать её без конца.

– До чего чудны наши мужики! – замечая мой интерес, продолжает мать. – Коля Цветок этой весной ехал домой на тракторе, закончил сев и выпил на радостях. Аккурат на повороте, у моста через речку, заглох мотор. Заводить трактор начал на скорости. Ну, он и пошёл от него, а тёмненько было. Ничего не понял и не увидел, как трактор сам вдоль реки поехал, сначала по броду, а потом глубже и глубже. Доехал до острова, одной гусеницей въехал на него и опрокинулся. Окунулся так, что кабины не стало видно. А утром никак не вспомнит, где трактор. Хорошо, что мальчишки по реке лазали, они и отыскивали в тине его «безделушку».

За дверью послышались голоса и звук приближающихся шагов, быстро летящих и неторопливо-валких. Возвращается отец с соседями, дедом Тимохой и дедом Семёном.

– Доброго дня и здравицы! – приветствует дед Тимоха.

– Ах ты, котик ты мой, касатик дорогой, какой ты стал хороший! Ах! Ах! – разливается щедрый на ласки дедушка Семён.

Это были деды-исполины, всю жизнь прожившие на одном месте, умельцы-самородки, хозяева-землелюбцы, много видевшие на своём долгом веку, умудрённые жизнью. Несмотря на большую разницу в годах, за их мир и доброжелательность к людям не было лучше компании, чем они.

Отец всех приглашает к столу.

Два старика садятся на лавку рядом со мной, отец – напротив, мать – сбоку.

– Когда всё хорошо, и выпить приятно, – отец разливает в маленькие гранёные стаканчики вино, наполняя их доверху.

– Сегодня мы встречаем моего сына, Алексея Михайловича, у себя на родине, – отец заводит приветственную речь. – На встречу собрались вы – его лучшие друзья, я и мать. Это замечательная встреча! Такие встречи нечасто бывают, поэтому я, как отец, пожелаю сыну хорошо провести отпуск! Давайте выпьем! Вот так оно и должно быть, – простой гостеприимный голос отца создавал особый компанейский настрой.

Все разом поддержали и дружно выпили. Отец наливал ещё, гости закусывали. На столе всё было своё: помидоры, огурцы, лук и сметана, рассыпчатый картофель, замечательное солёное сало, рыба, жареная и тушёная баранина.

Дедушка Семён – весь светлый и чистый, словно только из бани, в белой вольной рубашке навыпуск и с мягкими седыми волосами, тщательно расчёсанными гребешком, начал говорить о том, как сегодня жить хорошо.

– И чего только нет: и радио, и телевизор, и машины, самолёты, понимаешь. Это всё учёные. Я знаю, есть такие умные люди. Они разбираются, не чета нам, – восторженно излагает он.

К самолётам у дедушки Семёна особое отношение, он их видел только по телевизору, а наяву они так высоко летают, что еле заметны, но слышно – гремят. «Гроза надвигается», – молвит, палкой пристукнет и дальше идёт, головой качает.

– Так это что? Я слышал, будто есть и другие учёные, которые к нам прилетают издалека, с другой планеты. Правда это или нет? О Боге неспроста говорят. Мы слабо верим в него, за то и прогадаем. Не признают инопланетяне нас, грешных.

Порозовевший в щеках дед Семён говорит неторопливо, как бы стесняясь, что жизнь для него утекла быстрее, чем его представления о ней.

– Трудно сказать, дедуля, но учёные пытаются выяснить эту проблему о неопознанных явлениях и других цивилизациях. Результаты пока скромные, хотя предположений всяких хватает.

– Пусть бы они скорей прилетали! Говорят, эти «гумноиды» подолгу живут. Может быть, успеют годочков десять подбросить? Жизнь сейчас такая, что и умирать не хочется. У меня теперь все помыслы, как жизнь дольше продлить. Утром и вечером дыхательные упражнения делаю. На велосипеде езжу, на огороде работаю. Учёные, они правильно мыслят, – намекает дед Семён на мою причастность к науке, ненароком обозначая своё к ней положительное отношение.

– Это очень хорошо, дедуля! Наверно, и курить бросил?

– Как же не бросишь, когда такое случилось! А вот выпить немножко люблю. Примешь, будто посошок в руки возьмёшь!

Тёплое радостное чувство переполняло меня. Хотелось обнять всех за плечи или сказать что-то такое особенное, исцеляющее и бодрящее больше, чем вино.

Если бы можно было, я сам им отсыпал бы по два десятка годков, – пусть живут эти милые, простые, честные и трудолюбивые люди.

Выпили ещё по одной. Деды опьянели, расслабились, разговорились.

Их голоса смешались с песней, звучащей из небольшого репродуктора:

...Надо, надо нам, ребята,
Жизнь красивую прожить!
Надо что-то важное, ребята,
В нашей жизни совершить...

– А всё-таки электричество – это сила! Ведь никто не знает, что оно за штука? А как крутит!

Теперь дедушка Тимоха находит новизну в загадочном открытии:

– Ах ты, вражья сила, у меня точило сейчас не вращается, грех-то какой, ни топора, ни ножей направить нельзя.

– Всё починим, дедуля! Будет крутиться как белка в колесе!

– Вот спасибо, сынок ты мой дорогой, а я тебе рыбки подловлю. Угощение будет.

– Слышишь, Михалыч, а ты телевизор починить можешь?

– Могу.

– Молодчина!

– А щуку можешь поймать?

– Нет.

– А я как пойду на рыбалку, так смогу. Никто не поймает, а я выловлю.

– Это тоже нужно уметь.

Ещё по одной приняли – и на воздух.

Деды шагали неловко, как-то враспорку ставили ноги, боясь оступиться.

Дед Тимоха пытался сплясать вприсядку и завалился.

– А всё-таки ты молодец! Хоть и грамоте выучился, а можешь с нами выпить и поговорить. Не всякий так может. Почти все поразъехались после того, как льнозавод сторел. Остались мы да твои родители.

Дед Тимоха с трудом поднялся на ноги, говорит протяжно и значительно, искусственно создавая дистанцию между словами.

– В нашем краю жить... как... в раю!

Деды медленно уходили к своим обеспокоенным хозяйкам, и расставание с ними было печально.

Стало досадно и обидно за время, нещадно текущее, словно река, только в одном направлении, исчезающее в большом, бушующем море жизни.

С отцом вернулись снова за стол – выпить и продолжить беседу. Потребность высказаться перед ним откровенно, чистосердечно, не боясь за слабость душевную или ошибки, стояла в моей груди ещё до приезда.

До того, как случайным образом произошёл пожар на Аносовском льнозаводе, отец долгое время работал на нём главным механиком.

Областное начальство посчитало восстановление завода ненужным. Решили догрузить планом работы соседний Липецкий завод.

Первый раз, во время войны, завод поджигали сами, чтобы не оставить захватчикам. Когда отец вернулся с войны, его восстановили.

Навоевавшись на фронтах и настрадавшись от оккупации, жители окрестных деревень накрепко вросли в эти места. Общественных благ, как сейчас в городе, тогда не было, делали всё с нуля собственными силами из подручного материала.

Первый свет электрической лампочки от дизельной электростанции, контора и клуб, магазин, мост через речку Днепр и дороги, жилые дома и огороды, луга и леса спаяли людей, казалось, навечно. Счастье, сложенное своим трудом, особенно дорого и привязчиво.

И вдруг сгорает Аносовский льнозавод от зажжённой ребёнком спички. Разъехались кто куда, и отцу предлагали продолжить работу, но он остался. Три года служил пожарником, охраняя скирды с запасённой льняной трестой, а теперь на пенсии. Похоже, никогда он не уедет с этой земли – так сильно полюбились ему родные смоленские края, где всего-то осталось по одной центральной усадьбе в ближайших совхозах. В остальных деревнях жизнь угасает.

– Знаешь, отец, устал я от жизни. Не хочу я так работать: сначала – шумиха, потом – неразбериха, затем – поиск виновных, а в конце – поощрение лукавых. – Мысли торопливо бежали и путались. – Помнишь, отец, чистую берёзовую рощу, в которую мы вместе любили ходить? Этот белый, задумчивый храм торжества и покоя! Однажды я вошёл в неё, а там стадо овец и коров от жары прячется. В наш милый сердцу, полный восторгами лес впустили животных. Там они напакостили и накопытили.

– Да, я тоже видел рощу такой, – спокойно ответил отец.

– Наверное, человек вышел из леса, а не из воды. Меня постоянно тянет в лес – в нем хорошо... Может ли человек выживать, как берёзка? На пустынной крыше заброшенного храма вырастает деревце. Из пня тянутся к солнцу зелёные веточки...

– Человек на большее способен, я это знаю, – авторитетно молвил отец.

– Начитался я книг о любви к родине, к людям. Много читал о поэзии, о гармонии, о творческом труде, о честности. Но всё получается иначе. Я стал замечать, что деревенские люди в городе становятся менее честными и отзывчивыми. Людей больше, и отсебятины больше. Нет единого организма, будто горох в мешке. При этом каждая горошина хочет отличаться от другой. Я хоть и беспартийный, но чувство справедливости у меня имеется.

– Беспартийный, но крещёный, – отец напомнил, как поп крестил меня прямо в доме ещё в малом возрасте.

– И потом я стал понимать, что в каждом коллективе есть хитро сплочённая кучка бездушных людей, захвативших преимущественно для себя многие права и блага: то премии и поощрения, то награды и грамоты, то почёт и уважение. И стала меня разъедать некая двойственность, они – власть, а я кто? Они – от власти, а я что – другого рода и племени? Появилась уверенность в себе, но мысли и поступки – противоположные этой партийной кучке. Вижу их насквозь, вижу их искажённое ложью нутро. И чем дальше, тем больше. Происходит отчуждение от них, как будто они не наши.

Говорить становилось трудно, мне хотелось расстегнуть рубашку и показать свои открытые раны.

Чтобы не казаться чрезмерно резким, приходилось подыгрывать голосом и жестами.

– Что тебе сказать? Получил образование – начинай приспосабливаться. Учись даже у самого простого, у братьев наших меньших, у зайца, например, как он умеет бороться за своё существование, за сохранение жизни. Прежде чем определить лёжку, он тщательно проводит смётку, запутывает следы. Надо быть умнее, думать и действовать, защищать свои интересы. Жизнь – постоянная борьба с лукавыми и их противоположностями. Чего хочешь тебе, не нужно другому.

Мой мудрый отец или инструкцию мне давал, или проверял на прочность.

«Ничего, разберёмся», – думал я.

– Приспосабливаться я не хочу, а бороться с властолюбцами непросто. Мне нравится открытая творческая работа, а не борьба под ковром.

– Люди разные бывают, и к этому надо привыкнуть, это у тебя ещё вальсы кружатся, – начинает шутить отец.

– Понимаешь, они научились мысли и чувства друг друга угадывать. Сначала междусобойчик организуют, потом – тёплую компанию, а потом – тихое обворовывание коллектива. И называют это перестройкой.

– Когда человек знает, он начинает действовать, а когда сомневается, то начинает думать и переживать. Что лучше – выбирай сам. Нам не приходилось выбирать, надо было работать, нужна была всенародная победа, люди прошли войну, а от неё осталась разруха. Может, работа у нас была проще, но такого, как у вас, не было. Ты сам смотри, если что-то есть, надо думать, надо переживать. Само по себе это не проходит, даже раны или заживают, или будут болеть всегда. Не торопись, сынок, не своди всё к одному, время само рассудит. Пошли отдыхать, утро вечера мудренее.

Отец поднялся и, пытаясь опереться на рядом стоящее дерево, чуть не промахнулся.

Обнявшись, поддерживая друг друга, мы пошли отдыхать.

Я помог отцу раздеться и укрыл его одеялом.

* * *

Хорошо спать в деревне, удалённой от шоссе и дорог, теплоходов и электропоездов, в самой гуще природы, среди добрых людей, в родительском доме. На Смоленщине много таких деревень со старыми, но ладно рубленными домами. Потемнели они, обветшали, садами поросли богатыми, укрылись под высоким сводом лип и берёз. Что ни деревня, то свой живописнейший уголок. Одна – на холме, красуется выше всех. Другая – у речки, к бережку прижалась. Озеро ли рядом, погост ли старинный, берёзовая роща невдалеке, лес ли могучий стеной подступил до ворот, – все хороши и неповторимы. Самые большие из них стали центральными усадьбами совхозов. И живут в них с давней поры добрые и простые люди. Привычные к честному хлебу, к земле и труду, которые не только славно могут работать, но и нежно любить. Верно любить, оберегать и лелеять свои родные края.

Утром проснулся, открыл глаза. В доме темно, в распахнутое окно видно, как на востоке едва заметно высвечивается бело-розовым разливом рассвет. Слабый солнечный свет, лишь слегка оторвавшись от тёмного леса, прояснял горизонт.

Предрассветная тишина, природы не прекратившийся сон, не встревоженная ещё темнота, тепло одеяла, пух мягкой широкой подушки не хотели отдавать покой, баюкали, нежили, усыпляли. Дремать или вставать? И то, и другое желанным было. Я лежал в постели с необычно лёгким ощущением простора, ресницы то открывались, то вновь заслоняли неподвижные силуэты домашней обстановки и тонкие теневые изображения яблонь в саду. Словно подснежник ранней весной к теплу откроется и тут же закроется, жалея свой нежный цветок. Похоже

скворец в гнезде спозаранку пропоёт и замолчит. Будто котёнок возле тёплой печи в полусне песенку намурлыкивает.

Было приятно осознавать, что я дома, впереди – многодневный отпуск, и есть ещё время нежиться на перине.

В соседней комнате заговорило радио: «Московское время – шесть часов». Из кухни сквозь неплотно сдвинутый занавес жёлтой полосой проложился свет от лампочки. Мать уже встала, слышно шуршанье её шагов. Ступая тихонько, чтоб никого не разбудить, хозяйничает возле печи.

Спальня и кухня в нашем доме разделены толстой деревянной стеной. С одной стороны – труд и заботы, с другой – сон и покой. И то и другое рядом, стоит только порог перейти. Мать умела переступать его раньше всех. Сегодня она готовит блины, кладёт масло на сковороду, широко разликает тесто по ровному дну и ставит в печку. Масло шипит, угли трещат, блины розовеют, полнеют, поднимаются.

Я лежал, затаив дыхание, и осторожно слушал. Там, на кухне, залитой светом, трудилась мать, поддерживая очаг. Большая кирпичная печь запасала тепло на полные сутки, берёзовые дрова пылали ярким живым пламенем. От камня к камню жар выходил наружу, разливаясь по поверхности, щедро излучаясь во всех направлениях. Возле такой печи уютно и гусёнку, и котёнку, и малому ребёнку, и путнику с мороза. Она и деду в жизни подмога.

Много пользы и добра от неё, но не меньше хлопот и работы требует капризная печь. Раньше солнца вставай, лучину щепай, дрова разожги да два часа с ухватом пляши, на красных углях чугуны шевели. Никогда мать не говорила, что ей трудно и в тягость заботы, – печь топила всегда с удовольствием. Печь помогала ей создать тепло и уют в доме.

Вот и теперь невидимый свет материнского блага доходил до меня. Всем своим существом я понимал любое движение матери. Вот бухнулся на загнетку чугуна, громыхнул железный ухват: положила его на каток, захватила дровко двумя руками и толкает сажей покрытый толчан вперёд, в самое жаркое место.

Поставила чугуны – и сразу чистить картошку, то и дело плюхает в воду очищенный кругляк. Слышно: «Ах, боже мой, подгорает блин!»

Работает и одновременно слушает радио, новостями интересуется. Как в детстве, так и сейчас мать была для меня самым близким и дорогим человеком.

Ах, мама, мама! И что поднимает тебя в эту раннюю пору, что заставляет так мило заботиться и хлопотать? Скажи мне, какая сила помогает изливать столько усердия и старания у этого убогого печного очага? И разве достойна эта каменная глыба твоего внимания? А эти бесчувственные чугуны, чернью покрытые, а эти бездельники-ухваты, стоящие в углу, и широкие горла ведёр! Сколько раз ты их переставила?

Казалось бы, всё это – обуза, не заслуживает уважения и недостойно существования, в городах уже газ и электричество. Ну скажи, как ты находишь силы радоваться здесь да ещё создавать столько уюта и света, что они невольно наполняют душу, замедляют тревожные и беспокойные переживания? Разве не ты оберегаешь это чудное место общения, это тёплое движение сердец? Разве не ты наша опора и сила? Ты – лекарь! Ты – гений! Ты – моя дорогая мама!

Я снова глянул в окно, в нём трепетал рассвет. Робкая заря набирала высоту, приливом розового цвета наполняя синеву безоблачного неба. Самое время выходить на охоту.

– Сынок, вставай, ты же просил разбудить пораньше, – мать повторила уж трижды, а я всё ещё не вставал, не в силах расстаться с мягкой постелью, не в силах прогнать овладевшее мной чувство.

Рано вставать для меня было правилом. С детства привык. Или петух на рассвете разбудит, или мать ласково позовёт, и сладкий сон словно рукой снимает! Быстро вставал, легонько потягивался, пил молоко и не винил никого за ранний подъём.

Славный рассвет ожидал меня впереди или дело с отцом на заре интересное. Во всяком утре я находил своё волшебство. Оттого и кажется мне, что самое замечательное происходит утром. Я резко сбросил одеяло с манящим на сон запасом тепла и решительно встал. Наполненный явью благотворения, хмельной от избытка чувств, прошлёпал голыми ступнями по холодному деревянному полу.

Глубоко вдыхая свежий утренний воздух, сделал несколько гимнастических упражнений, разминая непослушное тело. Затем быстро надел выцветшую, истёртую в работе куртку студенческого строительного отряда и лёгкие резиновые сапоги.

– А я блинов приготовила. Тебе со сметаной или с вареньем? – Мать выставляет на стол стопку горячих блинов.

– Спасибо, мама. Не успел я подумать, а они уже готовы!

– Сынок, а может, стаканчик вина? – предлагает мать.

– Не надо, мама, сегодня не хочется. Лучше пойду прогуляюсь немножко.

– Иди, сынок. Иди, подыши свежим воздухом, он у нас лечебный!

Когда я вышел на улицу, было уже светло.

Во дворе видны предметы крестьянского быта: вёдра, бочки, доски, тазы. Деревня предстаёт взору только наполовину, другая – по самые крыши в тумане.

Белым пышным изгибом устлал он течение реки, слегка застудив её движение, «потопив» берег и прибрежные кусты. Висит неподвижно, тронутый тёплым движением лучей. Ещё чуть-чуть – и его потянуло вверх, растягивая и лохматя, к самой вершине холма, из-за которого разгорался алый восход.

Медленно, словно массивное колесо, двинулось всё в круговое вращение навстречу солнцу, переливами смешивая розовый цвет. Красный плазменный шар разрывал горизонт, белый туман вспыхнул огненной дымкой, очертания домов и деревьев становились мягче, небо – лазурнее.

Чистый бодрящий воздух насыщен резонансами. Стоило его качнуть звуком, как он начинал колебаться, проявляя множество звонко-отчётливых голосов, идущих по невидимым путям совершенно без помех. Ни ветерка. До начала трудового дня всё очень чутко различает слух.

Где-то у сарая раздался молодецкватый крик петуха, всегда будоражащий человека, как символ бодрости и труда. На горе, совсем в другой деревне, загремел трактор, разрывая воздух на «тра-та-та». Как будто нечаянно обронилось, со звоном, опорожнённое ведро. Прорезалась бойкая речь человека. Тяжело простучала колёсами телега. Привычно замычала корова. Всё это так близко, рядом, узнаваемо до мелочей.

Я сошёл к реке, умыл лицо жгуче-холодной водой, испил целебной родниковой влаги и неторопливо вышел за деревню, влекомый непреодолимым желанием общения с природой. Встреча с ней в осеннюю пору особо приятна. Сухая прохладная погода способствует долгой и лёгкой ходьбе.

Бесконечные разноцветные пейзажи со всех сторон на бесконечном голубом полотне горизонта увлекают вдаль. Идешь, не ощущая километров, не замечая времени. Неожиданная встреча с любой птицей или с другим живым существом один на один даёт бодрящий прилив настроению, полна восторга и радостных переживаний.

Видеть и наблюдать тайную жизнь диких зверей увлекательно и поучительно, много прекрасных истин можно открыть в этот короткий миг в природе.

Я долго брожу по родным просторам, упиваясь красотой неповторимого ландшафта лесов и полей. До устали нагулявшись, направляюсь к Вышегору, самому высокому месту в округе. Каждый год в летнюю пору приезжают сюда студенты на археологические раскопки первобытных поселений.

Цепляясь за жёсткий свалывшийся сорняк, забираюсь по крутому подъёму на вершину холма, приношу с соседнего скошенного поля сухую соломенную подстилку и надолго укладываюсь на ней. Я наедине с природой, все мои чувства и думы погружаются в атмосферу покоя и вечной тишины. (По результатам археологических раскопок стало известно, что сюда ещё в каменном веке, после ухода ледника, пришли первые поселенцы).

Чудная погода. Тихий осенний день в конце сентября. Воздух прозрачный, лучистый. Отчётливо видна кромка горизонта, влившаяся в желтеющий лес. Оттуда, издалека, густым потоком движутся гонимые ветром белые облака. Приближаются, перестраиваются, плывут одно за другим. Вот они уже надо мной. Белое пушистое облачко несказанно прекрасно, так и хочется пролететь вместе с ним над землёй, окинуть взором весь окружающий мир.

Солнце всё золотит. Бледно-зелёное поле стало светло-золотым в его волшебных лучах. Они льются на землю бесконечным щедрым потоком, и лишь там, где не в силах пройти сквозь серые тучи, оставляют большие пятнистые тени, плывущие по земле.

Вокруг скромная, сдержанная и естественно проходящая жизнь. Никто не гомонит, не щебечет, лишь одиноко каркнула на взгорье в знак своего осёдлого существования серая ворона. Где-то застрекотала сорока, наверное, лось прошёл; непременно ей надо оповестить, подсказать. И снова тишина. Величаво-спокойный мотив ушедшего лета охлаждает чувства, расслабляет тело. Широко раскинув руки и ноги, лёг на спину, потянулся сладко и долго, прижался к земле, замер, прислушался. На фоне глухого молчания остывающей земли, едва прослушиваясь, со щемяще-тоненьким посвистом разгоняется ветер, шевелит усохшие стебли поредевшей травы.

Осенья свежесть, ветра просторная дуть, дай мне, земля, часть своего огромного тела, с ним я, как ты с небом, сольюсь!

Чувствую себя свободным, как в детстве.

Внизу река. Здесь она совершает поворот вокруг холма, обогнёт его, ещё два раза повернёт и исчезнет вдали. Маленькая неглубокая речка с родниковой водой, набирая мощь и силу, приносит известность многим городам. Смоленск, Киев, Днепропетровск – это её питомцы. Повсюду она разносит радость, многим она нужна, здесь её любят за первозданность, свежесть и чистоту. Оба берега разделены водой не более как на двадцать метров и покрыты густым кустарником. За кустарником краснеет рябина, дубочек растёт удалой, ива грустит над водой, берёзовая роща в стороне высится белым, чисто картинным сбегом стволов. Река заросла тростником, остались протоки чистой воды на изгибах течения да небольшие озёрца в глубоких плёсах. Прекрасное место для водоплавающей птицы, возможность отсидеться в камышах на случай опасности и поплескаться в широких гладях. Тина отцвела, вода светлая, холодная даже на вид.

С силой подул порывистый ветер, разогнался и тут же затих. Камыш задвигался, зашуршал. Водная гладь зябко вздрогнула, покрылась барашками волн. Только что упавшие, ненамокшие листья, словно разноцветные кораблики, потянуло к берегу. Деревья горят рдеющими красками. Выскочила из воды серебряная рыбка, плоским боком шлёпнулась о воду – и скорее назад, в родную стихию.

Словно законный обитатель здешней среды, лежу в её заповедном уголке, глубоко вдыхая воздух, по-особому близко ощущая природу, и чувствую себя молодым.

А раньше здесь стояла деревня, называлась она Вышегор. Последний дом перевезли отсюда два года назад – жить не было никакой возможности. Людей мало, исчезли дороги и тропки, околица поросла бурьяном да мелким кустарником. Зимой наметал снег, крутила метель, свирепели морозы. Непуганая птица и звери лесные приноравливались жить в садах, на огородах. Следы зайцев, лисы и волка можно было встретить вблизи дворов.

И вот от этой деревни осталось одно название, моя память да десяток неухоженных, одичавших яблонь, обросших крапивой и репейником так плотно, что не подходит. И ещё одна

деревня видна отсюда. Она расположилась в километре от Вышегора. Деревня Спас, там сейчас только четыре двора.

А когда-то здесь было не менее тридцати домов и действующая церковь. Во время войны фашисты обстреляли деревню из пушек, попали и в церковь, сбили крест, изуродовали стены, сорвали ворота. И решили тогда власти не чинить её, а использовать по насущной необходимости. Устроили там конюшню. Забили окна, поставили двери тесовые, приладили замок.

На её крыше выросла красивая молодая берёзка, укрепились корнями среди камней – и стоит, качая упругими ветвями, торжествует, как символ величия природы.

И приходят сюда люди, только на погост – поклониться прошлому, помянуть усопших.

Осень, твоя прощальная краса печальна, как печально моё чувство при виде убогих, покосившихся изб и брошенных деревень. Грустно мне, осень, видеть в твоём окне увядающее лето.

Снова осень листья с дерева кружит –
Покраснели, пожелтели, словно впору им цвести,
Но их ветер гонит в поле, чтобы в гниль перевести,

– как бы сама собой проскочила лирическая строка.

«Эх, родимая сторонюшка – край корявых, заброшенных дорог, изобилуешь ты чернеющими срубам опустевших деревень. Не слышны здесь несерьёзные порывы лукаво-мудрых мужиков и свято-праведные речи их терпеливых жён. Как всё изменилось! Десять лет назад, качаясь на досках разбитой телеги, в туманной зорьке, увозил меня из деревни на тощей лошадке опечалившийся вдруг отец. Что-то надломленное, с болью потерянное ощущал я тогда в себе. Эта рана открылась во мне и теперь. Родимая сторонюшка, я пред тобой в долгу. Так ли много сделано мной хорошего? В полную ль силу тружусь? Нет, что сделано мной, – этого мало. Сколько ещё я смогу, не знаю. Но ясно одно: за всё добро расплатимся добром, за всю любовь расплатимся любовью. Независимо ни от чего, несмотря ни на что, мне тебя не забыть, не разлюбить», – мысли шли не то с неба, не то от земли.

Я встал, отряхнул прилипшую к одежде солому, поправил куртку и уверенно зашагал к дому напрямую по скошенному ржаному полю. И когда оказался в самом центре его, остановился, ещё раз огляделся.

По самые голенища сапог я стоял в золотистой стерне убранных хлебов, надо мной – безбрежное просторное небо, вокруг – раздолье лесов и полей.

Осень, золотая воскресница, удивительными красками рябила в глазах. Напористый ветер дул прямо в лицо. Я расстегнул ворот куртки. Слово под парус, он рванулся мне в грудь. Всё идёт ходуном. Хочется жить, говорить стихами, работать, творить, созидать!

Издаലെка мне навстречу маленьким трепетным клубочком бежал, разыскивая меня, запыхавшийся пёс Тобик.

* * *

Вечером я сел за письменный стол и задумался вот о чём. Почему сельский житель по-настоящему ближе к Богу? Да потому, что прежде церковной веры он встречает и принимает от природы благотворение.

Таинства, чудотворные проявления, силу её безмерную, страх и тревогу, приноровление к ней, послушание её грозным явлениям – всё это он понимает с раннего детства. Причастен человек к природе, как верующий к церковному приходу.

Гневаться на природу – пустое дело, остаётся её любить во все времена года. Любить всем своим существом, всем своим «очей очарованием» и подсознанием. Величественных картин природы, как чудотворных икон, бесконечное множество. Если любишь природу, уверуешь и полюбишь людей со всеми их особенностями и причудами. Постигнешь ещё одно таинство – словом скреплённое, эмоционально наполненное общение с людьми, влюблёнными во всё живое. Входить в храм природы и быть внутри его – благоговейно, как на литургическом бдении.

Что ж горожанин, без природы возвращённый, но в церковь входящий? Верит ли он от всей души? От самого сердца? Формально, да. Но сомнительно, что по-настоящему.

Прежде были природа и село, а потом город. Там, где деревня, там природой рождённый, родной человек. В городе – гордый, огороженный человек. Православный горожанин – условно верующий человек, а деревенский христианин – с верой живущий. В одном только библейский сюжет, в другом – богоносная слитность с природой и родом человеческим.

Вера в Бога единит и охватывает природу, народ и не ущемляет собственное «я». Она объёмнее, чем представление о светлом обособленном будущем как о справедливом человеческом обустройстве. Вера в светлое будущее, соответственно, единит общество и человека. Она масштабнее, чем представление о демократии. Вера в демократию единит более всего человеческим достоинством, правами человека, но не обязанностями перед обществом и природой.

Вот на этой многоступенчатой лестнице жизни – от Всевышнего создателя природы к спасительному Богочеловеку, от него к праведной и справедливой общественной жизни, а далее к человеку разумному – можно всесторонне совершенствоваться. Сельскому жителю это удаётся делать много и много раз, в нём как бы эти три веры слиты в единое пространство жизни. Ни одно мироощущение не урезано, ни одному из них не дано явное преимущество. Русский крестьянин, если говорить о всечеловеческих ценностях, – самый подготовленный, самый оттестированный на тренажёрах жизни, чтобы быть образцом цельного и правильного восприятия мира.

Горожане, интеллигенция, партийные энтузиасты, бюрократы – как узки их представления о жизни, как далеки они от правды существования нормальной жизни! Надо перестать кое-кому высокомерно смотреть на крестьянина, нужно заглянуть в собственный источник жизни, родник, из которого образуются наше русло.

Так и хочется развернуть, раскодировать и произнести: ««Русло» – русское слово, русская слобода». Не надо самим себе строить плотины и преграждать пути для гармоничного сосуществования с природой и друг с другом.

Родниковое русло реки – пусть оно будет таковым не только в верховье, в начале своего течения. Пусть это русло пополняется не стоками и отходами, а свежей водой. Пусть это русло будет незамутнённым до самого совпадения с морской стихией.

Чуден Днепр в верховьях реки чистотой своих вод. Не всякий человек осмелится окунуться в её прохладную воду, защищённую с берегов пышными сводами разросшихся ив, ольхи и берёз.

В редкие плёсы её может заглянуть тёплое солнце, и тогда заблестят серебром и разыграются стайки бесчисленных рыб и рыбёшек. Но когда развернёт свои воды Днепр и вынесет их на пережат из придонных камней, забурлит река и завертится, наполнится воздушными смесями и настоями душистых трав, прогладится нежными прядями зелёных водорослей, – вот тогда бери и пользуйся.

Святой источник, разнеси свои воды, напои своих сыновей и дочерей, дабы дать новую жизнь вдоль истощённого русла! Заменя жизнь вдоль дорог на просторы чистого русла! Свяжи людей тихим течением реки! Ублажи соловьиными трелями! Опои черёмуховой красотой! Ниспошли благое творение!..

Три родины во мне одном

Помнится, сижу на полу и кручу юлу, привезённую из Москвы родителями в подарок. Много-много раз и быстро-быстро раскрутишь её, а потом смотришь, как она крутится-вертится. До самой темноты играешь с механической дискообразной юлой. Посмотришь на небо, а звёзды тоже движутся, словно кто-то большой крутит ось земного вращения.

Ты перед извивающейся юлой, словно Боже творящий, а перед медленно движущимся куполом звёздных небес – самая маленькая живинка.

Помнится, привозили из Москвы матушка и батюшка красивых разноцветных матрёшек. Ракроешь самую большую, а внутри другая – такая же красивая. Любуешься ею, прокручиваешь во все стороны, потом опять раскрываешь, а там снова красотища. И вот влетаешь таким колобочком в дом, дверь захлопнул – и ты в теремочке, а раскрыл окно, выглянул наружу, осмотрелся кругом – и видишь лоно природы. Ну просто живая матрёшка: я, дом и округа.

Ещё через год привозили калейдоскопическую трубу. Смотришь во внутреннюю полость её, а там стёклышки разноцветные среди гранёных зеркал узоры образуют симметрично структурированные.

Вращаешь горизонтально направленную трубу, стёклышки перекатываются, меняются местами, а чарующая красота внутреннего объёма остаётся. Так же и при смене времён года меняется лесной лиственный окоем с ранней весны до поздней осени. Цветные фигуры деревьев будто прокручиваются солнечным озарением, меняя оттенки и соотношения цветов.

Ещё дарили металлические грузовые машинки с открывающимися бортами и дверцами, с вращающимся рулём. Воображение так преобразует действительность, будто ты поместился в кабинку и совершаешь манёвры, поднимаешь и опускаешь кузов, трогаешься и вперёд, и назад.

Да, родители привозили игрушки из Москвы, наверное, потому, что видели, как усердно я играл с кирпичом, у которого был отколот один угол, – оттого он походил на трактор. Уж так я гудел и трепетал губами с разными интонациями звука, что родители умилялись и не забывали купить нам с братом игрушки, да ещё с баранками тороидальной формы, нанизанными на верёвочку, – ну настоящая классическая наглядная геометрия! Вот такова вкратце была познавательная обстановка в дошкольные годы на малой родине.

В школе больше всего поразил глобус в размер волейбольного мяча, вращающийся на оси. Прокрутил один оборот – и будто вокруг Земли пролетел. Все материки и океаны разглядел, все очертания запомнил и остановился, заворожённый, над своей страной – большой родиной.

Потом увидел её на разноцветных тематических картах. Узнал, что она самая обширная, самая богатая, реками, озёрами, лесами, степями и горами покрытая, и стало мне на душе спокойно, радостно и хорошо.

И чем дальше я переходил из класса в класс, тем больше хорошего узнавал о своей стране, – любовь к ней легко вела меня по дороге к школе, семь километров от дома и столько же обратно. Первая любовь к девочке и первая любовь к литературному сочинительству. Любовь – это высшее проявление красоты. Есть красота – появится и любовь, а может, наоборот? Нет, красота – это внешнее моё наблюдение, а любовь это внутренний отклик на восприятие красоты. Любовь – это красота в кубе и даже более, в превосходной степени.

В институте как бы переходишь на другую лестницу знаний, но это всё о том же, о нашей стране, сотворённой не пассивно – природой, а активно – человеком.

Вот тут впервые познаёшь, что такое система; её сложность в многообразии и простота в единстве. Приобретённые знания – это сумма времён и эпох. Это как созревающий плод –

накопление в максимуме опыта всего человечества. Созрел, а куда дальше катиться? Вот уже и профессор, а катиться есть куда, – теперь в прошлое.

В какой-то момент кажется, что без освоения прошлого своих древних и даже древнейших предков родина не воспринимается в единстве и целостности.

Да, ты имеешь и малую Родину детства, и большую Родину юности, но хочется ещё большего, хочется обрести какую-то другую, третью по счёту, Родину. И этой третьей, корневой, Родиной становится божество, которое в древности так и называли: первейший бог Род – основатель рода человеческого.

На Земле шесть материков: Евразия, Северная Америка, Южная Америка, Африка, Австралия, Антарктида и четыре океана: Тихий, Атлантический, Индийский и Северный Ледовитый.

Среди рода человеческого четыре расы по цвету кожи: белая, чёрная, жёлтая, красная.

Так где же, когда, кто и как положил начало?

Долго искалось начало: и инопланетное, и земное, – так и не нашлось. Кто за инопланетное, не только не сомневается в том, а даже уверен фанатично, что космические корабли инопланетян постоянно летают к нам, и есть базы в горах и на дне океанов, и есть контакты с гуманоидами – это что-то среднее между людьми и ангелами.

Кто за земное, тот, как кулик, своё болото хвалит, что именно от них и пошла земля, ну, например, если от меня, то земля Русская. И самое удивительное в этом поиске, что наши предки жили не по идеологии, не по религии, а по Ведам – знаниям.

А светлые боги наши – это древние предки. Бог Род: родина, народ, родители. Бог Сварог – сварганить, сотворить. Богиня Лада – и так понятно, что красота и гармония. Бог Ярило – солнце. Даждь Бог – дающий добро, благо.

Это просто наши предки, они были всемогущими, всезнающими, и за признательность и уважение к ним мы называем их богами, а не родственниками. И где же жили эти боги – Человеки с большой буквы?

Согласно северной традиции, на острове в Арктике, тогда там был самый благодатный край – рай да и только! Подтопление и похолодание накрыли рай водой и льдами, но самый большой остров на севере вновь проявился, и его назвали Новая Земля. Вот уж действительно, как мальчику-сиротинушке, хочется знать своих прародителей – и земных, и космических.

Три Родины во мне одном: первая Родина – родительская, семейная; вторая Родина – природная, территориальная; третья Родина – прародина, она родо-племенная, языковая.

Триедины они, как Великая Троица: Бог Сын, Бог Отец и Бог Святой Дух.

Голубые ели

Голубые ели – волшебные деревья. Там, где они растут, там – красота. Если дом окружён елями, он выглядит как сказочный; если дорожка между ними идёт – она сама становится торжественной и загадочной. Воздух рядом чист и свеж, пить его хочется.

В одном огромной величины городе, где живёт много-много людей, возле высокого здания было посажено пятнадцать голубых ёлочек. Елочки широко раскинули молодые ветки, стали быстро расти. Люди сделали асфальтированную дорожку между рядами ёлочек. Ходят по ней на работу и радуются.

Потянулись вверх дружные ёлки, одна красивее другой. И симметрия в них, и пропорция, и манящая голубизна.

Одна ёлка поднялась выше всех – ну прямо красавица! Хоть надевай кокошник, платок на плечи набрасывай, сарафанчик примеривай. Остальные тоже ей под стать, будто девушки в танце: грациозные, плавные, величавые.

Росли подружки, росли и стали намного выше человеческого роста. «Теперь растите сами, как в лесу», – сказали люди и предоставили ёлкам полную свободу. Торжественно гуляли парочки по праздникам возле взрослеющих ёлочек-дочерей.

Время шло. Всё больше и больше людей восхищалось, как хорошеет, будто сама собой, сказочная аллея из голубых елей.

Прослышал однажды об удивительной аллее один дурашливый «бармалей». Приехал на автомобиле и въехал на асфальтированную дорожку между елей. Посмотрел через стекло кабины на чудо природы, ничего удивительного не увидел, прикинул что-то и закричал, чтобы водитель развернул машину в обратную сторону. Водитель сделал как было приказано, только задними колёсами наехал на самую большую ёлку. Подмяли колёса её красоту.

Ужаснулись наутро люди, остановились. Только одному шляпа мешает ёлку поднять, у другого руки зонтом и портфелем заняты. Третьему больная спина согнуться не даёт. Идут дальше, во всю вселенную возмущаются. Подходят другие, плачутся. А ёлка лежит с ободранной корой, с оторванными корнями, с вывихнутыми ветвями. «Нет, не приживётся», – не верит один. «Не вернуть красоту!» – стонет другой. Третий грозит виновника отыскать. Женщины подошли, хотели за дело взяться, да сил не хватает, да лопаты нет под рукой. Побежали по округе рассказывать о случившемся.

Три дня пролежала ёлка, ни одного слова не вымолвила, ни одного стога не проронила. На четвёртый день шёл мимо Иванушка-молодец, увидел красавицу, снял пиджачок, разгрёб руками мягкую, как пух, землю. Обхватил ёлку, как родную, вернул на прежнее место. Охнула ёлочка, зашаталась. Но устояла, поддерживаемая Иванушкиным плечом. Долго отливал её удалой молодец свежей водицей, веточки поправлял, ручками гладил, – и ель прижилась. Стали заживать её рваные раны, ветки выравниваться, ствол затвердевать.

Ходят люди по аллее, сокрушаются. Больную ёлку жалеют. Все ёлки – красавицы, а эта простоватая: с одной стороны много веток обломано. «Не державная царица, а бабка с подторкнутым подолом», – шепчутся прохожие.

Загрустила ёлка, меньше хороших слов до неё доносится, меньше возле неё фотографируются. Терпит обиды, но выпрямляется. Иногда к ней Иванушка приходит, помощь оказывает, ёлки-подружки ветками весело помахивают.

Осень быстро прошла, и наступила зима. Дни стали короче и холоднее. Меньше людей по аллее проходит.

Прячутся ёлки в пушистые снежные воротники, засыпают под звёздным безмолвием.

Но не спит «бармалей», подослал супостатов, подкрались они в темноте, сверкнули топорами, опьяневшие от праздничного настроения да лёгкой добычи. Унесли для встречи нового года самую лучшую верхнюю часть ёлок, стоявших с краю.

Обступили люди побоище, бедных ёлок им жаль.

А те – без верхушек, теснее жмутся друг к дружке, машут оставшимися ветвями.

Осветили люди аллею новым ламповым светом, стали вечерами с красными повязками дежурить. Заметили ёлочки и на этот раз их доброту. Охали да переживали, но начали расти. Самые верхние ветки взяли на себя заботу за растущую макушку. Развернулись к солнцу, сформировали новую вершину. Сначала неровную, потом похожую на прямую.

Выстояла аллея, сохранила свой прежний строй. Но вот пройдёт мимо прохожий и обязательно дёрнет то веточку, то иголочку. И красивой не назовёт, и не погладит. То кору потрогает и обдерёт на сувенир, то шишку собьёт. В руках помнёт, помнёт, пройдёт да и бросит.

Вот так, незаметно – иголка за иголкой, ветка за веточкой, ствол за стволом – и исчезала красота аллеи голубых елей. Потеряла она животворную привлекательность и очарование. И стали люди по ней ходить будто недовольные и обиженные, даже по сторонам не смотрят. Мыслями куда-то дальше пошли. Может, где другую аллею ставить решились? А может, на других материках и планетах собрались делать то, что здесь никак не получается? Ведь они обещают живительный эликсир там отыскать и аллею сделать опять волшебной.

И я по той аллее ходил, думы думал, мыслями ворожил. На бумагу много писем легло, да ёлочкам не помогло. А как заново их посадил, так и сказку о том сочинил. А если кто аллею ту увидал, то словно Богу поклончик отдал. Ну а если поклонился святым местам, то скажешь: «Родину не отдам!»

А если хороша наша Родина, то и у тебя в огороде смородина.

Цветы

Передо мной в широкой прозрачной вазе обыкновенные луговые цветы, которые я собрал во время прогулки: фиалки, ромашки, незабудки, колокольчики, белые и розовые клевера. Смотрю на них и чувствую себя счастливым ни на день, ни на год, а на всю длинную-длинную жизнь. Я благодарен земле за то, что они повсюду растут, за то, что они рядом со мной.

Цветы всегда манили меня загадками, я шёл к ним навстречу, надолго уплывая в луга. «Сюда, сюда», – шептали кругом их милые и печальные голоса. И я оставался, с каждым цветком обменивался любящим взглядом, запоминал, с кем и как он живёт на диком лугу. Самых задумчивых и одиноких брал с собой, нежно нёс их домой, опускал в чистую прохладную воду, ставил на стол перед зеркалом, любовался и... забывал.

Забывал, словно кому-то их отдавал, а вынимал их уже высохшими, скрученными, с почерневшими стебельками.

Но сегодня я смотрю на цветы иначе – свежие и упругие, стоят они горделиво, устремлённые в высоту, словно им никогда не увянуть, не потускнеть. Не потускнеть, как не забыть того, что они мне напомнили.

С той поры прошло немало времени, но это прекрасное мгновение осталось во мне там, где хранят самое дорогое, где чтят, как святое. Мгновение памяти, соединившее два существа, совершенно несовместимых ни по какой природе, независимых и так непохожих друг на друга – девушку и цветы.

И кто бы мог подумать, что именно она, смешная девчонка с двумя пучками весёлых волос и небесным простором удивлённых глаз, смогла превратить своё серое платье и лёгкие летящие руки в то, что навсегда останется во мне, в то, что я вижу, как сейчас.

Мы спешили, накрапывал дождь. Тоненькая белёсая дорожка путалась под ногами среди полянок, опушек, дубрав и берёз. Я едва поспеивал за ней, лёгкой феей лесной. Она облетала изгибы, овраги и повороты, оставляя воздушный, незримый след от золотисто-волнистых волос, колеблющихся на ветру. Ноги мои не ощущали земли. «Лидка-магнитка, Лидка-бандитка, Лидка-улыбка», – шептал я имя её на бегу.

Тёплый летний дождь полил как из ведра. Прятаться толку мало, но всё же самая курчавая и изумрудная берёзка прикрыла нас от хлынувшей с неба воды. Под её ветвистым шатром мы поместились вдвоём.

Струи дождя парным молоком обдавали плечи, катились по спине, обливали лицо. Мокро, но всё же тепло, тепло от земли, тепло от воды, тепло от любви к рядом стоящей смешной девчонке, к качающимся ветвям, к трепетно бьющимся влажным листкам, к разноцветным цветочкам. И им нашлось место под нашим шатром. Омытые свежей водой, они ярко горели и неудержимо привлекали к себе. Восторженно и заворуженно мы смотрели на них.

Лидка не удержалась первая, по колено в мокрой траве мокрыми руками рвём мокрые цветы. «Лидка-маргаритка, Лидка-купальница», – лепечет опьянённая счастьем душа.

Не знаю, почему так светло было кругом – от выглянувшего солнца или от улыбчивого её лица?

Промокшие и возбуждённые, с охапкой цветов в руках, мы направляемся по пешеходной дорожке к железнодорожным путям, отрезающим лес, луг и овраг от сказочного созерцанья. Вместо них властно врывается крикливым гудком зелёная электричка.

Пряча нос и улыбку, целуя цветы, Лидка входит в вагон и садится возле окна. Плавно и неумолимо электричка набирает свой крейсерский ход.

– До свидания, зелёное шумное море! Спасибо за добрый приют! – кокетливо и шуточно Лидка машет рукой на прощанье.

У пассажиров приподнятое весёлое настроение. Пёстрая одеждой и звонкая голосами, отдыхающая публика по-домашнему расположилась в вагоне. Словно в большой и дружной семье, в нём светло и радостно.

Лидка перебирает цветы, очищает их от травы, кладёт стебелёк к стебельку. Вновь они оживают: небесно-голубые незабудки, нежно-лиловые фиалки, желтоглазые ромашки, тонкозвучные колокольчики, бело-розовые клевера.

На одной из остановок напротив Лидки села пожилая седая женщина с мальчиком лет пяти и с букетом гладиолусов, одетая в тёмно-сиреневое платье и светло-сиреневую вязаную кофту, с добрым, чуть тронутым невзгодами приятным лицом.

На ветках гладиолусов семейка нежно-розовых цветков – большие, поменьше, совсем маленькие, они росли на стебле по ранжиру.

Женщина заметила цветы, улыбнулась и тихо молвила:

– Знаете, и мне когда-то муж дарил полевые цветы, но это было ещё до войны...

Улыбка тихо сошла у неё с лица, брови сдвинулись, взгляд погрузился, но не надолго. Опять радостное и счастливое лицо. Мальчишка с голубыми глазами, в белой рубашечке, с ляжками через плечо, так похож на неё и на цветы, – просто маленький гладиолусёнок.

– Бабушка, бабушка, смотри, какие красивенькие цветочки, – звенит голосок малыша, он влюблённо смотрит в её глаза, ласково жмётся в коленях и тянется ручками к лепесткам. Лидка даёт ему голубой колокольчик.

– Спасибо, тётяшка, – тихо говорит малыш и смущается, несмело протягивает лесной колокольчик бабушке.

У бабушки губы покрашены сиреневой помадой, а за окном электрички мелькают такого же цвета разливы иван-чая. Хочется верить в невозможное: вот сейчас войдёт её муж, воскресший и вернувшийся с войны, и сядет на свободное место возле неё.

Через три остановки они выходят, их встречают родные, похожие на них доброжелательно настроенные люди.

Теперь на их месте сидит плотный, литой мужчина, похожий на красный тюльпан, на коленях – большая корзина с прикрытыми марлей цветами.

– Хочешь стать на всю жизнь счастливым, покупай цветы, – высказывается он и улыбается.

Лидка не обращает внимания, молчит, о чём-то думает, и сосед начинает дремать под перестук торопливых вагонных колёс. Клонится, клонится на бок и вдруг взбадривается. Качается устойчивым маятником его расслабленное, грузное тело. Уставшему путнику в электричке дремать хорошо. За окном мелькают потоки белого цвета от полевых ромашек, перемешиваясь с жёлтыми бусинками ожерелий из пижмы.

Ещё через две остановки подсел молодой человек с пространственно удалённым взглядом, он напоминает нарцисс, всё время поправляет рубашку и глубоко вздыхает. Говорить он, конечно, не будет, но и так понятно, что пора влюблённости у него впереди.

А за окном мелькают и разбегаются веером деревья, дома и поля. Мчится электричка в бетонную гавань родного вокзала, давая тревожные сердцу гудки.

– Разрешите к вам сесть? – скорбно дрожащим голосом произносит ещё один пассажир, мужчина в шляпе и чёрном костюме, в руках – шаровидные георгины тёмно-синего цвета.

Отрешённым, сосредоточенно неподвижным взглядом он смотрит туда, где лежат Лидкины цветы. Как будто ничего не замечает, но на нужной ему остановке неторопливо сходит.

На его место пришла девушка. Ей лет шестнадцать, она – второй букетик цветов. У неё такое луговое платье, что оно и её глаза перемешались с цветами. Наверное, она ни о чём не думает и видит самые светлые, самые нежные и хорошие стороны жизни.

Так и я сегодня вижу только прекрасное. Я чудеснейшим образом ослеплён, и, наверно, никогда бы эти удивительные картинки не вспомнились мне, если бы тогда напротив меня

не сидела девушка, в которую я до сих пор немножко влюблён. «Лидка-незабудка», «Лидка-фиалка», «Лидка-первоцвет», – летят букетом мои наполненные мечтой слова.

А за окном мелькает волнами зелёно-жёлтая, палевая, бурая и тёмная, спутанная ветром, жёсткая луговая трава.

* * *

Мы снова встретились через тридцать лет, воскресить прежние ощущения мне не удалось, я купил ей букет однотонных тепличных цветов и, обменявшись краткими фразами о семьях и о своей жизни, мы тихо расстались. До сих пор полевые цветы я люблю больше тепличных.

У багетного окна

Золотая осень. Пышная листва.
Ранним утром светит
тонким белым светом
одинокая последняя звезда.
Над восходом солнца
розовый и голубой рассвет.
С неба дальний звёздный житель
бликом шлёт привет.
Спят ещё дворняжки. Птица молча пролетит.
Школьник с полным ранцем в школу не спешит.
Шорох шин и лёгкое движенье
наполняют тихую Москву.
Выплыл из проулка, будто приведенье,
автомобиль – облаком дождя
помыть проезды по двору.
Затаив дыханье, стоя у окна,
вижу, как в свободные артерии,
в трассы города вливается
красных фонарей бегущая волна.
Пuls её идёт на светофоры,
гонит в центр горячие сердца,
в радиальных руслах мощные моторы
рвут три транспортных кольца.
Далеко ещё до «пробок» нервных,
тьнь и свет меняют фон.
Скоро город в красках ярких будет солнцем обожжён.
Оживут высотки, купола церквей,
крыши заострятся шпилями антенн.
Во дворах возникнет суматоха дней
и в метро прохожий сам пойдёт сдаваться в плен.
Ой, кружит метелица у меня в груди
от громады города и моей любви!
Будет он меняться, любо хорошеть,
я же – удивляться, его чудо зреть.
Отошёл я тихо от багетного окна.
Растворилась в небе дальняя звезда.
И теперь я снова остаюсь один,
сам себе художник и божий господин.

Свидание с музой

В тёплом офисном склепе,
отпрессованный сводом забот,
вдруг покажется мне, что безжалостно скоро
год за годом уходит вперёд.
Сетью вымыслов тонких торопливо ловлю новизну,
золотую волшебную рыбку отыскать никак не могу.
Выхожу я в курилку, дым фантазий любя,
где-то рядом незримо свет идёт от тебя.
И у стен коридора, как картинка, видна,
вдруг проходишь красиво, ты – как ушедшая из тела душа.
Проплыла, проявилась, оживилась в улыбке лица,
не остановилась, не оглянулась, молча прошла.
Почему меня ты покинула, далеко ты ушла?
Неужель навсегда?
За поворотом, быть может, подумаешь и возвратишься, пора.
Ты возвратишься, не раз уходила, я же ловил твой приход, как
всегда.
Музыкой, музой тебя окрестил я, ждал, как с небес божества.
Годы прошли, но ты ещё кружишься, то ты придёшь, то опять ты
обидишься.
Я же распахнут для встреч, как судьба.
Кто из нас первый уйдёт в облака?
В тёплом офисном склепе, очарован и тих, одиноко остался я с
телом,
а на листочке, как знак пребывания, замер твой отпечаток –
божественный стих...

Апельсины

Никого не удивишь в Москве апельсинами: египетскими, испанскими, марокканскими. Жёлтыми солнечными шариками украшены прилавки магазинов, уличные лотки, хозяйственные сумочки. Белый снег и яркие шарiki апельсинов. Большое холодное пространство и согревающие комочки тепла.

Выбирать апельсины даже не нужно, они одинаковые. Выложишь на стол – и, словно мячики, раскатятся по гладкой поверхности. Хорошо апельсины дарить больным, хорошо отдавать детям. Радостно очистить от корочки, разделить в соответствии с дольками поровну и вместе со всеми отведать сочную, мягкую ткань плода. Что-то знакомое, нежное, доброе повеет от человека к человеку вместе с апельсиновым ароматом.

«Сколько стоит килограмм апельсинов?» – спросит кто-нибудь по привычке. Скажет и тут же смутится. В нём не цена, а доброта. Возьмёшь в руку этот волшебный шарик, подбросишь несколько раз на ладони и почувствуешь вес доброты.

Последний и то отдашь. А утром выйдешь на улицу – их ещё больше. Носят ящиками! Везут машинами! Много апельсинов, много и долек, скрытой под шубкой-кожицей доброты!

Вот так всю зиму и живут в городе ярмарка апельсинов и ярмарка доброты. Не кончатся апельсины, не исчезнет образ тепла, не обесценится доброта.

Поговори со мною, мама!

У меня сегодня юбилей, круглая дата, не скажу какая. Ощущение необыкновенное: из глубины времён кажется, что мне не несколько десятков, а несколько тысяч лет.

Я не песчинка, принесённая ветром, не коротенький отблеск света, а целая вечность.

Какое счастье родиться и жить на территории Русской равнины, в России, а точнее, в Московской или в ближней, Смоленской, области. Через тысячелетия прочерчена длинная траектория человеческой жизни от первородного предка до наших дней.

Земная жизнь, сотворённая с помощью космоса, воплотилась одним животворным потоком и вошла в лоно природы. Как от кончика летящей звезды, вспыхнула и моя душа, проявилась в реально зримом земном пространстве.

Конечен я или бесконечно живой?

По родовому наследию жизни пронёс я негаснущий огонёк, дарованный небесными богами и светлыми предками нашими, через моих родителей, следующему поколению. Разве я смертен?! Нет. Я из бесконечности устремлён в бесконечность! Я уже в этой непрерывной цепочке жизни. Моя летящая душа не гаснет. Она, как ниточка жизни, свивается за горизонтом Земли в драгоценный вселенский клубок, перематываясь с одной жизнетворной планеты в другую.

Душа хороша, когда в ней напор и стремление к жизни.

Здесь, на Земле, я неотделим от тела. Да, оно постепенно изнашивается, отвергается и отторгается, а потом будет отправлено в обитель земного покрова. Какое счастье, всюду я вечен! Мне ещё и уже несколько десятков земных лет. Для души это мало, а для тела уже многовато. Оно тяжелит: глаза приспособляются к дальнорюкости; походка не устремляется, зато бег времени ускоряется; часто думаю о нашем прошлом и будущем; желаю больше свободы и независимости; становлюсь справедливее и не хочу быть хитрее. Кто-то большой и великий готовит меня, как космический аппарат, к неизбежному старту. Да и сам я уже беспокоюсь, неторопливо обдумываю свой предстоящий полёт.

Что же с собой взять для любимых небесных предков и первопредков моих, а что оставить земным и дорогим потомкам? Да ничего. Нужно просто остаться на своём месте, на своей траектории жизни: чтобы не прервать её бесконечность; чтобы постичь разницу между душой и телом; чтобы в себе увидеть душу и просветлиться телом; чтобы во все времена можно было отыскать человека, помеченного свидетельством о рождении и пребывании его на одной из прекрасных планет под названием Земля.

Поговори со мною, мама!

Мама – моя Вселенная. А во Вселенной – это вы, мой отец и мать, дедушка и бабушка. Это вы – мои друзья. Вот вам – 90, ему – 75, другому – 60, тому – 40, этому – 35.

Вот так высоко выстраиваются наши души, как журавли в поднебесном клине, и увлекаются за горизонт.

Вместе легче лететь. С курлыканьем и переборами улетают, чтобы вновь возвратиться. А нам торопиться не надо: ветер времени сам всё изменит, кому ускорит, кому притормозит этот удивительно красивый полёт.

Поговори со мною, мама! Мама – моя Вселенная.

Деревенские причуды

Из купели в купель

Поездка в деревню из городского стесняющего узилища, выезд из его жадно захватывающего жерла, избавление от его жёстких жерновов – всегда эмоционально вздыблены и насыщены раздражением. Нужно хорошо понимать, когда из Москвы выезжать и когда приезжать. Иначе в «пробках» и непрерывно ревушем автомобильном потоке намучаешься изрядно и взбудоражишься, как от посещения летней роящейся пасеки. Трескуче-кипящее шуршание шин, отрывающихся от асфальта, и одновременное рычащее звучание сильных моторов, напоминающее нервные метания разбушевавшегося железного зверя, не заглушают даже опущенные стёкла авто. Стремглав летит машина по указательным стрелкам размеченного дорожного полотна, как выпущенная из лука чья-то, возможно неожиданно обрывающаяся, судьба.

Только когда подсядешь на бьющийся, как сердце, музыкальный ритм непрерывно льющихся из автомобильного радио песенных аранжировок, принимаешь устойчивое охранительное состояние души. После таких городских поездок монотонно тянущийся комариный звук полуторки в фильме о Великой Отечественной войне становится завораживающе-успокоительным. Везде проедет и ничего не случится.

В Одинцове заехал к племяннице Людмиле Владимировне взять продукты для её свекрови, проживающей летом в деревне Кожаново. Городская среда, а скорее, бессердечные, роботизированные быстрым ритмом жизни люди привнесли в её судьбу много печалей, не буду говорить каких. Теперь она вдова, как и её свекровь Александра Степановна.

– Приехать туда, всё равно, что купель принять, – удивительно ёмким образным сравнением поддержала она моё желание побывать на Родине. – Глубоко погружаешься в чашу природы и принимаешь эту программирующую гармонию, сотворённую Богом, – почувствовав моё оживление, продолжала моя самая дорогая, проникательно-умная племянница.

– Надо навещать, хоть на малое время, догнивающий домик родителей, – убедительно точно говорила она. И вспомнились мне два семидесятилетних брата, ежегодно приезжающие из Ельни на берег Днепра, хоть на денёк, на заросший пустырь родительского дома. На опустошённом паломниками, расхристанном и расхищенном доме они написали краской на ещё крепкой бревенчатой стене огромными буквами «Толя + Валя = Мама», но и это не спасло, дом сгорел по неосторожности от разгулявшейся молодёжи. При последней встрече братья рассказали, что их отца расстреляли по делу убийства Кирова в Ленинграде. Вот поэтому – Мама.

Раньше слово «купель» я воспринимал как погружение в зимнюю прорубь, как таинство крещения в православной церкви. Много раз я и сам купался в Днепре, где впервые на Руси начались обряды крещения. Услышанное новое смысловое значение, расширяющее представление о купели, мне сильно понравилось. «Купель, лоно, оэйкумена, оазис», – думалось мне во время поездки, и мысленно очерчивался, воображаемый круг предстоящих действий и посещений в родном уголке Смоленщины. Автомобиль легко распахивал перед взором воздушные окна, а в них: лесные посадки, поселения и геометрическая перспектива дороги. Смотришь вверх – и облака плывут за тобой, смотришь вниз – и дорога мчится назад, а по сторонам – многорядье стройных берёз и елей. Четырёхколёсная птица всей стосильной упряжкой мотора неслась, паря над дорогой, взмывая и замирая на спусках и поворотах, в места гнездований моих родителей и родственников...

Первая купель началась неожиданно быстро. Троекратно перекрестившись и произнося охранительную молитву, я открыл замки целый год пустовавшего дома и, как бы не найдя в них родителей, прохаживался по коридору, кладовой, террасе. «Почему их нет, может, куда-

то ненадолго отъехали?» – обманывалась не верящая в загробную жизнь душа. Неосознаваемая вина и жалость утраты будоражили сердце, хотелось страдать, лицо искривлялось до точки рыдания и предательски распрямлялось. Надо было настраиваться и продолжать жить по-своему, без родителей. Вынул вторые рамы зарешечённых окон, стряхнул паутину, смёл прошлогодних мух, засохшего шмеля и бабочку, поругался на крысу и мышь, небрежно оставивших свои следы, промыл посуду и приготовил на стол.

Вскоре, зная о моём приезде, собралось пять закадычных дружков, традиционно встречающихся каждое лето на обозначенном пятачке Смоленской области и поименованном в картах Интернета как Аносовский льнозавод. В эпоху советской власти завод работал в три смены и выдавал горы льняной костры, отправлял прессованные тюки льноволокна даже на экспорт. Остатки кирпичной кладки, с берёзками наверху, напоминают о былом трудовом авангарде, как руины разрушенных храмов – о чистоте религиозных помыслов.

И вот собрались мы разом и вместе. С давней детской поры мой первейший друг, называю его по-мальчишески – Толька Егоров; здесь жили его родители. Не менее чем первейший, друг Колька Грибок, приезжавший на школьные каникулы из Москвы. Бывало, долгое лето бегали мы в кедах и крутили педали велосипедов.

Анатолий Егорович Егоров сегодня пенсионер, живёт в соседней деревне, в центральной усадьбе обанкроченного молочно-мясного совхоза «Хвощеватовский». На землях бывшего коллективного хозяйства теперь создаётся охотничье предприятие за счёт городского финансового капитала, выдвигаемого из неведомых глубин частным предпринимателем, любителем природы. Как самого лучшего охотника Егоровича зачислили в егеря без документа на образование. Николай Николаевич Грибок работал на стройках Москвы прорабом и, измотавшись на них, растратив здоровье, ушёл по сроку на пенсию, прикупил покинутый домик, закрепился в нём и живёт целый сезон. Рано весной приезжает, поздно осенью уезжает – из-за зимних сквозных холодов и тоски деревенского одиночества. До сих пор любит читать книги и с интересом смотрит телевизор.

Ещё два интереснейших человека стойко держатся здесь круглогодично, приняв все невзгоды и полюбив все прелести незаселённого диковатого края. Виктор Николаевич Зверьков – специалист по электротехнике и телевидению, живущий теперь здесь постоянно и изредка навещающий надоевший и утомляющий его столичный город. Сам своими руками выстроил обиталище на прекраснейшем и живописном выступе и повороте Днепра. Отменный знаток и азартный любитель природы. Самый громкий и инициативный в разговорах Андрей Иванович Никоненков – второй егерь новоявленного охотничьего предприятия, заядлый пчеловод – живёт и здравствует вместе с отцом и женой Ларисой. «Копай корни, копай корни», – любит повторять он многозначительную народную мудрость.

Для дружеской встречи собираемся у меня, приезжающего в опустевший домик родителей для поклона и памяти всего на две недельки. Мы, можно сказать, последние местные русские аборигены, держим своим присутствием оборону родного края. Несколько таких же «дзотов» и «амбразур» повторяют наш подвиг, но уже в редких местах. В этом заведомо исчезающем мире, где на божий свет появляются реже, чем отправляются на погост, всё же есть нововведения. Красивейшие три дома и хозяйственные постройки охотничьего заказчика строят трудолюбивые, услужливые и послушные парни-таджики, плохо говорящие на русском языке. «А может, это уже китайцы проталкивают свои интересы? Какого чёрта из такой дали да в такую глубинку их принесло?», – подозрительно думаешь, наблюдая за молодыми чёрноглазыми и тёмноликими, как бы чрезмерно загоревшими на солнце парнями, приехавшими на «шабашку» в нашу «шарашку».

Три дня пролетели, как миг, в разговорах и воспоминаниях. Трудно было потом подсчитать сколько выпили родниковой воды, серебром очищенной водки и ячменного пива. Посиделки начинались с раннего утра и заканчивались ночью в сумерках восходящей луны, птичьих

музыкальных бдений, с запахами душистых трав и цветущих для мёда лип. Говорили о чём-то интимно своём, сказочно неповторимом, душевно объединительном. Перебирали все жизненные фрагменты и аргументы: как командами играли в волейбол и футбол, как ловили рыбу и раков, как ходили в лес по грибы и ягоды, как вместе ночевали на сеновалах, как ходили в деревенский клуб коллективно смотреть кино, как провожали ночью девчонок в соседние деревни. Конечно, рассказывали о своих семьях, детях и внуках. Спорили о политике, о погоде, о хороших и плохих переменах и перестройках в нашей стране. Равнодушных не было, инициативу воспоминаний и домыслов мог подхватить или перехватить каждый. Шумное и весёлое застолье переходило из дома на уличную беседку под липами, и так продолжалось по несколько раз.

Помянули доброй памятью безвременно ушедших в молодом возрасте Витьку Цветкова и Витьку Григорьева. Помянули неожиданно умершего по весне Анатолия Дмитриевича Жукова, душевного человека, державшего оборону родного края чуть выше, на горочке, возле деревни Лыськово. Помянули великотруженницу Марию Петровну Шуткову, не дававшую долгие годы заполнить дикой траве местную территорию. Помянули Анатолия Семеновича Иванова, гарцевавшего на колёсном тракторе МТЗ-80 «Беларусь», распахивая картофельные огороды. Помянули и выпили за многих других. За исчезнувшие деревни, покинутые избы да хатки. Весь мир в округе воспринимался как в фокусе – от бессмертной благодати дикой природы до распада умерщвлённой крестьянской среды с её неухоженными погостами и одряхлевшими сдвигами срубов.

В такие минуты жизнь в уставшем от города человеке пробуждается, растёт, набирает молодые упругие силы. Слабость, уныние, гнёт монотонного однообразия жизни прерываются, дробятся на мелкие кусочки застоя и исчезают, покидая брненное тело.

И, что удивительно, каждый из нас, запоминая в одних и тех же событиях сильно запечатлевшиеся ему моменты, дополнял и восстанавливал полную картину происшедшего, помогал воссоздать более живое течение времени, сильнее насытить красками и прокрутить приключенческие хождения в прошлое. Наверное, я молодец, как бы внутри начинались рост, обновление.

Выход из такого глубокого погружения в свою родственно-племенную сущность, с использованием фактора времени, наступает в осознании и понимании своего происхождения из чего-то большего, чем человек, чем любимое «я». Душой отмеренное пространство жизни через генно-модифицированные ощущения насыщается, фиксируется и закрепляется. Прописка по ново-старому адресу заканчивается, ты принят и снова поселён в записанное в паспорте место рождения на Русской равнине...

Постепенно расхаживаясь от первой обильной купели, как бы осторожно ощупывая, начинаются хождения в природу. Попадаешь из одной благодати в другую – в природно-климатическую, в ойкумену. С той детской поры пятидесятилетней давности изменения в природе значительные. Она стала дикой, обесчеловеченной, но более богатой.

На территориях бывших тогда совхозов «Хвощеватовский» и «Караваево» создан охотничий заказник. Начато строительство его инфраструктуры, и прикармливаются живность для охоты. Дикая природа торжествует, народ отступает: поля зарастают березняком и кустарником; травы становятся разнообразнее, жёстче и злонамереннее к человеку; насекомые более агрессивные и беспощадно кусачие.

Появляются новые виды птиц, приходят другие, ранее не обитавшие здесь звери. И что остаётся: всё это дикое богатство, неудобье человеческое признать привлекательным – это мой исток, моя малая родина. Да, появляется новизна, возникают любознательность и любопытство.

Как прежде, пошёл я в лес за грибами в угол местности между Днепром и его левым притоком Стрельней. Маленькая речушка с каменистым дном извиистой змейкой вливается вдоль оврага в Днепр. Плечо левого, крутого, оврага поросло лесом, дно оврага устлано дре-

весными завалами, по ним можно осторожно перейти, но можно и соскользнуть по неопытности и неуклюжести. Бежит Стрельня быстро, журчит по ходу своего течения.

Вот с этой судоки, места слияния двух водных потоков, для меня начинается неоднократно посещаемый мной лес. В целом он окаймляется притоком Стрельни и чуть дальше по руслу Днепра – притоком Стобны, обозначен исчезнувшими деревьями Горожанское и Кочерово и «застолблён» границами ныне здравствующих деревень Аносово и Мальцево.

Лес довольно дремучий. В нём есть все виды деревьев, хороших и буреломных, много поваленных или стоячих трухлявых стволов и пней. Прислонись к такому – он тут же с шумом повалится, сделав последний выдох из высохшей берестяной груди.

Нет в нём бывшей, кольцами годов стянутой натуги и прочности. Неорганизованная вырубка деревьев сильно захлामीла лес. Прикормленные егерями кабаны размножились и прижились в ельнике. В одну сторону стадо снимается на подкормку, в другую – на водопой. Оттого в лесу образовалось несколько хорошо протоптанных троп. Видны следы больших и малых копыт.

Увлечённо собирая лисички, оранжевыми посевами заполнившие удобные для них места, приблизился к лёжке здоровешего, откормленного на пшенице и ячмене кабана. От испуга оба взметнулись и приняли вертикальные стойки. Кабан вонзился копытами в землю, вытянул рыло и расширил могучую грудь. Я безоружно выставился, как истукан, остолбенел и замер. Страх волной пробежал по спине, у него на горбу вздыбилась шерсть. Две пары глаз вспыхнули и наострились для противостояния. Зверюга напрягся и засопел, я затих и заледенел, охваченный внутренним холодком. Кабан шумно дышал и фыркал ноздрями, на расстоянии десяти метров слышалось биение его сердца. «Ту-дух, ту-дух», – громко работал мотор сильного зверя, и совсем рядом учащённо и гулко билось моё ушедшее в пятки сердце: «Тыдох, тыдох». Исход схватки был обеспечен: негде спрятаться за толстое дерево, а маленький грибной ножичек не находился в руке. Обычно кабан атакует два раза. Если не разрезал клыками с первой попытки, он делает вторую. В этот раз он оказался сообразительно снисходительным, мотнул волосатым рылом, громко хрюкнул и ломанулся прочь от двуногого существа, с давних времён побаиваясь хитрых его приманок и беспощадных отстрелов. Его «бронированный» корпус мял под собой и сметал на своём пути сухостой и кустарник. Желания собирать грибы поубавилось, несколько раз я потом прислушивался и вздрагивал от мнимого присутствия зверя.

Набрал корзинку грибов и по бурелому и зарослям крапивы перешёл Стрельню. Через заброшенное, обанкроченное пахотное поле, уже заросшее березняком, медленно потащился к дому, отмахиваясь от штурмующих и пришлёпывающих присосавшихся слепней и водней. Тело чесалось от ожогов крапивы и укусов комаров. Но острее всего было ощущать присутствие ещё более крупного зверя, чем кабан. Множество развороченных муравьиных кочек было повсюду. Так отыскивает пропитанье и прикармливается медведь. Кочек было много, да и медведь мог быть не один. Сам шёл с придыханьем, пошатываясь, как медведь, спотыкаясь на колдобинах. Появись медведь рядом, наверное, я зарычал бы громче его.

Но вот уже завиднелась крыша спасительного дома. Пошёл дождь. В мокрой одежде вошёл в русло реки, неустойчиво передвигаясь и наступая на её придонные камни. Дошёл до глубины и долго обнимался руками с водой. Сопел и пузырил воду, как лось, очищающий ноздри от мошкар. Радостный и счастливый, ввалился я в дом. Эмоций и адреналина было хоть отбавляй, включилась вторая ступень омолаживающих ощущений. «Не скованный я, не городской, а свободный, слитный с природой!» – говорил во мне внутренний мальчишеский голос. Так был я крещён во второй контрастной купели...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.